

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ВЗВОЛНОВАННЫЕ
ЛОБОТРЯСЫ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН
19 МОСКВА 31

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ВЗВОЛНОВАННЫЕ ЛОБОТРСЫ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ „СВЯЩЕННОЙ ДРУЖИНЫ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
19   М О С К В А

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Государственная власть — это сложный аппарат принуждения в руках господствующего класса. Буржуазия маскирует эту простую истину, делая из государственных учреждений фетиш надклассовости, вечности и святости. В так называемые мирные времена аппарат буржуазного государства выступает преимущественно в оболочке легальности, законности: парламент, «законное» правительство, официальная армия, суд, полиция. В периоды обостренной классовой борьбы, когда революционное движение угрожает перерасти в гражданскую войну, этот легальный аппарат власти оказывается недостаточным. «Легальность убьет нас», — жаловался некогда видный политик буржуазии. Эта жалоба была кокетливым лицемерием продувного дельца, превосходно знающего, где зимуют раки капиталистической диктатуры. Расстреливая рабочих во имя легальности, буржуазия не сомнелась стать ее добровольной жертвой. И в отчаянной борьбе за свое существование, буржуазия создавала рядом с легальным аппаратом принуждения и нелегальный. В помощь своим судам и полиции она призывала собственное капиталистическое подполье, в котором действовала уже без стеснений, отбрасывая в сторону всякие легальные церемонии.

Наша эпоха пролетарских революций, глубокого кризиса буржуазного государства, дает яркие образцы этого совмещения легального и нелегального аппарата буржуазии в единой капиталистической диктатуре. Фашизм в Италии, подпольные, так называемые, феме-организации в Германии, Ку-клукс-клан в Соед. Штатах, лаппо-движение в Финляндии, — все это разновидности капиталистического подполья, которое существует с ведома и благословения официальной власти, но действует «незаконно». Разыгрывается издательская комедия парламентаризма и законности. Члены господ-

ствующего класса и очень часто виднейшие представители правительства нарушают свои собственные законы, убивают, похищают, грабят вождей рабочего класса. Официальные органы государственной власти прикидываются слепыми и глухими, а капиталистическая печать ведет ожесточенную травлю коммунистов, как «антигосударственной» партии и требует от рабочих уважения к тем самым законам, которые буржуазия в борьбе с революцией топчет ногами.

Это капиталистическое подполье оказывает, конечно, существенную поддержку официальной государственной власти, но оно в то же время еще больше углубляет все противоречия капиталистического строя и до конца расшатывает легальные основы буржуазного государства. Легальность никогда не убивала буржуазию, но буржуазия в борьбе за свое существование убивает легальность, убивает демократию и против своей воли открывает двери перед революционным движением. Роль нынешней социал-демократии к тому в значительной мере и сводится, что она, как почтительный библейский сын, прикрывает легальное бесстыдство своего буржуазного родителя. И после расправы с революционным выступлением рабочего класса буржуазия обычно старалась ликвидировать свое подполье и вернуться к обычным, «законным» средствам усмирения и принуждения. Особенность нашей эпохи в том, что это удастся лишь с крайним трудом, а некоторым правительствам и совсем уже не удастся. Нелегальщина буржуазии вытесняет ее же легальность, знаменуя начало гражданской войны.

В 1905 г. господствующие классы России создали в помощь «законной» власти для борьбы с революцией союз русского народа, разбойничью организацию, которая устраивала погромы, убивала из-за угла видных деятелей революции, помогала полиции в слежке за рабочими. Царь Николай второй с гордостью носил на своей груди значек союза русского народа. Однако работа этой организации, разлагавшая легальный аппарат царской власти, содействовала развитию революционного движения в стране. Самодержавие так и не выпуталось из этих противоречий.

У «союза русского народа» был свой исторический предшественник. Революционная ситуация 1879—81 гг. не переросла в революцию. Народовольцы не могли создать такой массовой революционной партии, которая повела бы за собой рабочий класс и крестьянство. Однако и тогда налуганные на-смерть революционным движением помещики, стояв-

шие у власти, создали в помощь официальной государственной власти нелегальную контрреволюционную организацию. Она существовала недолго и называлась «священной дружиной». Царское правительство так тщательно охраняло ее тайну, что лишь незадолго до революции 1917 г. стала известна в общих чертах ее история. В. Богучарский рассказал о ней в своей книге «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века». Были опубликованы и другие материалы, в том числе материалы, которые хранились в архиве одного из виднейших деятелей «священной дружины», графа П. П. Шувалова. К сожалению, над этим архивом раньше успели поработать какие-то грызуны, едва ли четвероногие. Полная история этой подпольной организации остается по этому пока под спудом. В предлагаемой читателю книжке дается лишь зарисовка некоторых наиболее любопытных сторон деятельности этой организации. Источниками послужили как уже опубликованные материалы, так и уцелевшие остатки из хранящегося в Ленинградской публичной библиотеке архива гр. П. Шувалова и неопубликованные письма некоторых деятелей той эпохи.

СИЯТЕЛЬНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ

1. После первого марта.

Революционная ситуация 1879—1880 гг. не разрешилась революцией. Она оборвалась героическим эпизодом 1 марта 1881 г. Но то, что нам на историческом расстоянии в полвека представляется как заключительный момент революционной ситуации, современникам представлялось как начало революции. Все ждали—кто с радостной надеждой, кто с паническим страхом—дальнейших выступлений, новых бомб и крестьянского революционного движения. Правящие классы были охвачены смертельным страхом, и существующий аппарат государственной власти не казался ни достаточным, ни надежным средством защиты от революции. И всех больше был напуган новый царь.

«Новый царь вступил на престол в состоянии полной растерянности,—говорит т. М. Н. Покровский,—он плакал, соглашался и с тем, кто говорил, что надо дать конституцию, и с теми, кто уверял, что от конституции Россия погибнет, давал самым разным людям самые разнообразные поручения, так что ближайшие к нему тогда министры решали на время отойти в сторону и подождать, пока царь придет в себя»¹.

Как затравленная мышь Александр III забился в угол латчинского дворца и здесь дрожал от страха, не доверяя даже ближайшим своим телохранителям. Полиция, и явная и тайная, себя скомпрометировала: она не могла уберечь от покушений Александра II. Пред высшими кругами дворянства, кровно заинтересованными в сохранении монархии как опоры крупного землевладения, стояла задача непосредственной охраны монарха, чисто полицейская задача. Но надо было кроме того охранять и свой класс, которому угрожала революция. Ненадежной казалась не только полиция, а и вся бюрократия. Виднейший государственный деятель эпохи Але-

¹ М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 160

Александра второго, убежденный монархист и полукрепостник граф Валуев, в 1879 г. записывал в своем интимном дневнике о монархе: «В эпоху, где нужна в нем сила, очевидно, на нее нельзя рассчитывать. Коронованная полуразвалина...» Крупному землевладению нужен был не просто монарх, а непременно сильный монарх, опирающийся на влиятельные общественные группы и творящий на деле их волю. С тоской по «твердой власти», которая раз навсегда ликвидировала бы революционный аграрный призрак, соединялась и тоска о послушном дворянству монархе. Отсюда придворный либерализм и «конституционализм» группы придворных аристократов. Помещичья олигархия у трона должна была притти к мысли об ограничении слабой монархии в свою пользу. Такой либерализм нисколько не противоречил крепостническим устремлениям этой группы. Позже, в 1905 году, сторонником конституции среди придворных Николая второго был знаменитый генерал Трепов, автор приказа «патронов не жалеть».

В состоянии полной растерянности после первого марта 1881 года находился не только новый царь, а и весь правящий мир. Петербург был полон слухов о новых готовящихся покушениях. Террористов искали даже в великокняжеских дворцах. Победоносцев, — один из немногих, не потерявших голову, — указывал Александру третьему на Мраморный дворец великого князя Константина Николаевича как на главный источник «крамолы» и писал, что не успокоится до тех пор, пока не будет выслана из пределов России княгиня Юрьевская, морганатическая супруга Александра второго. Грубейшее суеверие усилило панику в придворных кругах. Распространился слух, что Александр второй как тень бродит по Казанскому собору и предвещает своему сыну близкую смерть. В Гатчине к слухам такого рода относились с полным и серьезным вниманием.

В этой атмосфере панического страха перед революцией и отчаянной борьбы за власть и родилась идея «священной дружины».

2. «Кинжал за кинжал».

Авторское право на эту идею присваивает себе С. Ю. Витте. Он был тогда еще сравнительно скромным железнодорожным чиновником в Киеве и только начинал свою блестящую карьеру. Дебютировал он, надо признать, превосходно и сразу же обратил на себя внимание нового царя. Он рас-

сказывает (в третьем томе своих воспоминаний), что сейчас же после первого марта ему пришла в голову идея борьбы с революционерами средствами самих же революционеров, то есть подпольной подготовкой террористических контрреволюционных актов. Это называлось тогда «кинжал за кинжал». Сам Витте говорит, что в предложении его было больше страсти, чем рассудка, но такая оценка явилась у него значительно позже, после того, как он сам стал объектом террористических покушений со стороны боевой организации «союза русского народа». Как известно, «союзники» подготовляли в 1906 г. взрыв дома Витте на Каменноостровском проспекте в бывшем Петербурге, и в дымовой трубе камина была обнаружена адская машина большой силы. Витте тщетно требовал от своего личного врага Столыпина расследования всех обстоятельств этого покушения. Правительство превосходно знало участников покушения, но прикидывалось ничего не слышащим. Может быть именно тогда Витте сообразил, что в его идее «кинжал за кинжал» было некоторое отсутствие «государственного» смысла.

У Витте была не только замечательная идея, но и в своем роде замечательный дядя, генерал Фадеев, странствующий полководец, организатор египетской армии, славянофил и реакционный публицист, носившийся с идеей созыва земского собора для одоления революции. В сатирических очерках Салтыкова он фигурирует под именем полководца Редеди на службе у африканского царя Амонасро (из оперы «Аида»). Письмо с идеей Витте писал из Киева, где он был тогда начальником службы эксплуатации Юго-западных ж. д., в Петербург генералу Фадееву, но письмо это, по словам Витте, оказалось чуть ли не в тот же день на столе Александра третьего. Витте был немедленно вызван в Гатчину и затем отправлен за границу, в Париж, с весьма секретным поручением, о котором будет сказано ниже.

Идея Витте заключалась в образовании особого тайного ордена убежденных монархистов-царистов, которые повели бы в подполье контрреволюционную террористическую борьбу, выслеживали бы революционеров-народовольцев, узнавали тайны революционного заговора и убивали заговорщиков. Идея эта встретила для себя благоприятную почву в панических настроениях правящих кругов, но она здесь столкнулась и с другими идеями, направленными в ту же сторону. Это, во-первых, идея особой охраны царя надежными добровольцами. Это, во-вторых, идея борьбы с революционным дви-

жением в более широком смысле, путем укрепления социально-политических основ монархии. Вожди придворной по-мещицей аристократии боялись не только народовольцев-террористов. Они боялись и оппозиционных течений в среде буржуазной интеллигенции и части мелкопоместных землевладельцев, недовольных своим положением и выражавших сочувствие всяким либерально-конституционным проектам. Крупное дворянство до крайности преувеличивало глубину этих оппозиционных настроений и даже в них видело истоки народовольческого террора. У страха глаза велики. Однако, не малая и очень влиятельная часть придворной аристократии считала, что перед угрозой революции и аграрного движения надо идти на уступки. Сочинение всякого рода «конституционных» проектов было в большом ходу в придворной, сановнической среде перед 1 марта 1881 г. и еще некоторое время после первого марта. И хотя вскоре после своего вступления на престол Александр третий по шпаргалке Победоносцева выразил категорическое несогласие с конституционными проектами даже в самой куцой форме совещательных собраний, и был в апреле издан манифест, подтверждавший в категорической форме неизбежность самодержавия, но аристократическая возня вокруг конституции не прекращалась. В частности и идея Витте об организации высокопоставленных террористов попала в руки и была больше всего использована придворными «конституционалистами». Одна и та же организация должна была служить разным задачам. Соответственно этому она и выступала под разными именами, что и ввело впоследствии в заблуждение некоторых исследователей. Она называлась «добровольной охраной», представляя собой своего рода придворную тайную полицию. Она называлась и «священной дружиной», — тайным брэндом, поклявшимися бороться с революционерами, «кинжал за кинжал», фактически новым «третьим отделением», конкурирующим со старым, со своими собственными шпионами и провокаторами, с двойной конспирацией — не только от революционеров, но и от полиции. И наконец, она называлась «земской лигой» — для провокаторской работы в кругах либерально-буржуазной, помещичье-земской интеллигенции. Под разными масками это были одни и те же лица, которые, впрочем, подчас конспирировали и друг против друга. Само собой разумеется, что в отчаянной борьбе разных придворных клик за власть и за влияние на монарха «священная дружина» заняла виднейшее место, и это и послужило главной причиной ее падения.

3. Граф Боби.

«Священная дружина» совместила в себе черты третьего отделения, масонских лож и подпольных заговорщических организаций. Состав Центрального комитета до сих пор не раскрыт полностью. Входили в него, повидимому, и сам царь и великий князь Владимир Александрович, начальник петербургского военного округа. Руководители вербовались из высших кругов дворянства, преимущественно из придворной аристократии. Все они значились под цифрами, а не под именами. Для непосредственной работы были образованы в Петербурге и Москве «попечительства», в которые привлекались и представители финансовой и промышленной буржуазии. Дальше — шли «пятерки», куда могла проникнуть публика и помельче — вплоть до всякой шантрапы, желающей нажиться на страхе перед революцией. В провинции были образованы «инспектуры», ведавшие в свою очередь системой тайных пятерок. Все вступившие в «священную дружину» приносили очень пространную и торжественную присягу, в которой ради спасения царя обязывались даже отречься в случае необходимости от семьи. Была организована и шпионская служба в виде бригад сыщиков и заграничной агентуры. Словом, возник довольно разветвленный подпольный аппарат, на который потребовалось немало и денег. По словам генерала Смельского, стоявшего одно время во главе петербургской агентуры, деньги отпускались из собственных сумм государя, а не из государственного казначейства. Но привлекались и щедрые жертвователи из кругов буржуазии. Членами «священной дружины» состояли, например, Демидов, один из богатейших людей царской России, владелец не только известных заводов на Урале, но и опереточного княжеского титула «Сан-Донато»; железнодорожные дельцы барон Гинзбург и Поляков, которым за финансовую помощь контрреволюции пришлось их еврейское происхождение. Когда стало известно, что «священная дружина» находится под высочайшим покровительством и участвуют в ней влиятельнейшие придворные сановники, то потянулись в «заговорщики» все, кто старался сделать свою карьеру, чиновничью или придворную, кратчайшим путем. Легко представить себе, какой на этой почве возникал политический разврат в дополнение к обычному.

Официальные органы власти знали, конечно, о существовании «священной дружины» или во всяком случае догадывались о ней. Но они не смели обнаружить свое знание

и уж, конечно, не смели преследовать членов дружины за незаконные действия. Сменивший третье отделение департамент полиции был уязвлен таким к себе недоверием и подпольной конкуренцией, но кредит полиции был подорван после первого марта. Она принуждена была молча терпеть и только интриговала—пока не набралась решимости и не восстала,—на том же пути придворных интриг.

«Набольшим» — на гатчинском языке — назывался и считался в «священной дружине» граф И. И. Воронцов-Дашков, министр двора и начальник гатчинской дворцовой охраны. Кроме него, из придворных входили ближайшие к Александру третьему лица—генерал Ширинкин, дворцовый комендант, генерал Дурново, числившийся казначеем дружины, и др. Но душой и главным деятелем центрального комитета дружины был граф Павел Петрович Шувалов, в своем кругу известный под именем графа Боби.

Этот Боби в 1881 г. был уже не так молод. Ему стукнул 35-й год. В прошлом у него было блестящее, но не совсем обычное для придворного прошлое. Дядя его был известным жандармским деятелем, отец—деятелем с либеральным уклоном, петербургским предводителем дворянства, другой дядя—земским и городским деятелем, удостоившимся лестного отзыва в перценовом «Колоколе». Пред П. П. Шуваловым в порядке наследственного открывалась широкая придворная и административная карьера, в которой жандармские элементы переплетались с земскими. Сам он окончил не пажеский корпус или лицей, как полагалось бы ему по фамильным и прочим традициям, а университет в Гейдельберге со званием доктора прав. Доктора прав было не частое явление при царском дворе. А о докторе прав, кроме того, говорили, что он работал у известных европейских профессоров над новейшими проблемами химии и потом увлекался высшей математикой. И тут же где-то между химией, высшей математикой и правом уместилась какая-то его фундаментальная, но повидимому не увидевшая света работа об апостоле Павле. И так как его биографы сообщают, что граф П. П. Шувалов всегда был глубоко верующим христианином, то легко можно себе представить, что это было за исследование об апостоле Павле. Граф Петр Андреевич Шувалов, шеф корпуса жандармов, с правом мог перефразировать слова княгини Тугоуховской в «Горе от ума»:

«... Он химик, он ботаник,
Граф Боби, мой племянник».

Впрочем, тот «чинов не хочет знать» и «от женщин бегают»... Граф Боби не бегал ни от женщин, ни от чинов. С ученым титулом доктора прав он поступил на военную службу, участвовал в боях, получил надлежащее количество орденов и в 1880 г. состоял в качестве адъютанта при вел. кн. Владимире Александровиче, а неофициально числился в друзьях и собутыльниках самого Александра третьего, тогда еще наследника.

Столь всесторонне образованный и блестящий гвардейский офицер и придворный проявлял живейший интерес и к политическим вопросам. О нем было известно, что за границей он изучал и политические проблемы рядом с химическими и был поклонником Бисмарка. Он был честолюбив. Обычная придворно-гвардейская карьера его не удовлетворяла, и он смотрел на себя как на государственного мужа, который призван подобно Бисмарку открыть новую какую-то эру перед Россией. Но вот что любопытно. Этот поклонник Бисмарка и государственный муж выследил и перехватил какие-то весьма компрометирующие письма, которые Бисмарк посылал супруге вел. князя Владимира Александровича, немке по происхождению. Разыгрался при дворе крупный скандал, и граф Шувалов должен был оставить свое адъютантство. Уже в этом как будто случайном эпизоде проявились любопытные черты личности графа Шувалова: он и русский Бисмарк, он и сыщик. Он совместил в себе природные дарования обоих своих дядюшек—и того, который прославился по жандармской линии, и того, который нашумел по либеральной.

Если авторское право на идею «священной дружины» принадлежит действительно Витте, то подхватил эту идею, усыновил ее, облек в плоть и кровь граф П. П. Шувалов. И в своих воспоминаниях Витте рассказывает, что представиться по делам дружины ему пришлось Шувалову и от Шувалова он получил секретные и очень ответственные инструкции. А Шувалов был назначен флигель-адъютантом к Александру третьему и стал одним из ближайших к новому царю сановников. О том, что он идет и к официальной власти, ни у кого не было сомнений, и при всяких слухах о переменах на высших правительственных постах имя графа П. П. Шувалова называлось среди первых кандидатов.

Он, однако, не получил никакого официального назначения. И странное дело—у человека и звание ученое, и блестящее придворное положение, и роль он играет чуть ли

не спасителя России, и стоит в первых рядах у трона, и не молодой уже человек, а в аристократических салонах и в придворных кругах он как был, так и остался «графом Боби» — каким-то государственным недоростком, столько же русским Бисмарком, сколько и шелопаем, великим мастером по части кутежей, вождем так называемой «золотой молодежи», подлинно салтыковским типажем.

И это не только в интимном кругу. Его известность как «графа Боби» и нового спасителя России вышла за пределы аристократических салонов. В 1882 г. редактор «Гражданина» князь Мещерский посвятил ему памфлет-очерк «Князь Нони. Сутки нынешнего светского человека». Всем было известно, что князь Нони это и есть граф Боби. Сутки проходят в непрерывной выпивке, перемежающейся приемами просителей и разговорами на политические темы. Ночью князь Нони видит во сне, как он спасает Россию в качестве диктатора, а программу свою он формулирует кратко в беседе с какой-то графиней или княгиней, его поклонницей:

«Если бы у меня было время, я бы изложил вам свою программу обстоятельно, а теперь — в двух словах: энергия против сукиных детей (террористов, анархистов и социалистов) и либерализм для остальных» (стр. 30).

Это хотя и карикатура, но по всем признакам очень меткая и с полным портретным сходством. Князь Мещерский, который представлял группу сановников, борющуюся за власть под знаменем чистейшего, ничем и никак не урезанного самодержавия, против земства, против «реформ» 60-х годов, — писал:

«К князя Нони ничего не было ни священного, ни святого, ни заветного. А между тем он себя представлял во главе какой-то созидательной и спасительной силы, какого-то легиона ангелов и схода для России. И с чего это он взял? Просто с того, что какая-то французская кокетка ему за ужином сполупьяна сказала: „Oh, se Nony, il ira loin avec sa caboche a la Bismarck“ (стр. 47). [«О, этот Нони, — он далеко пойдет со своей башкой как у Бисмарка!»]

Об этом романе-памфлете князя Мещерского писали «Отечественные записки» (Н. К. Михайловский) в ноябре 1882 г., подчеркивая со своей стороны, что интересует их не литературно-эстетическая сторона произведения. Хотя звезда «священной дружины» к этому времени уже закатывалась, и свидетельствовал об этом памфлет князя Мещерского, но

в легальной печати нельзя еще было даже намекать на «священную дружину». «Отечественные записки» указывают, что «князь Нони действительно не более как шелопай, но в своей политической центральности и вескости он убеждается не только полупьяной кокеткой, сравнившей его с Бисмарком. Напротив, все окружающие относятся к нему примерно в этом именно смысле. Князь Владимир Лыковский называет Нони центром довольно веской и значащей политической партии. Важные сановники обращаются с ним как с равней... Он обделывает какие-то таинственные дела, очевидно, по части внутренней политики... Слова нет, все это отвратительно, но все это показывает, что Нони действительно имеет какое-то значение. Притом же он вовсе не одинок в своем безобразии...»

Ближайшими помощниками и сотрудниками графа П. П. Шувалова по «священной дружине» были Демидов, князь Сан-Донато, и князь Щербатов. Всей троице министр внутренних дел и соперник Шувалова по влиянию при дворе граф Игнатьев давал такую характеристику: «Шувалов: он ретивый, но молод, неопытен... Сан-Донато до нельзя глуп, но все же он лучше князя Щербатова, заведомого вора».

Павел Павлович Демидов, один из последних отпрысков знаменитой семьи уральских заводчиков, сын прославившегося своими чудачествами Демидова, купившего княжество Сан-Донато и вообразившего себя маленьким заграничным монархом, был человеком под стать графу П. П. Шувалову. Он и в кутежах в свое время преуспел, и толкался одно время — неизвестно для чего — в трущобах Лондона, будто бы изучал там нищету, и дипломатом пытался стать, а потом собирался постричься в монахи. Колоссальное богатство доставило ему звание егермейстера двора и почетное положение в «священной дружине», где он повидимому играл роль денежного мешка. На другую роль он явно не годился по причине, указанной графом Игнатьевым.

4. Салтыков о «священной дружине».

Хотя «священная дружина» окружила себя с самого начала величайшей тайной, и даже тайной полиции высочайше приказано было притворяться, будто она ничего не знает, — однако слухи о ней распространились очень широко. Печать, конечно, не смела и упоминать о новом и притом нелегальном охранном отделении. Но сторонников дружина вербовала очень энергично и во всех слоях буржуаз-

ного общества, начиная от столичных сановников и губернаторов и кончая литераторами, сотрудниками прогрессивных изданий. Поэтому и толки о ней пошли повсюду. Генерал Смельский, заведывавший тайным сыском дружины в петербургском районе и оставивший довольно пространые, хотя и не совсем достоверные записки о своей деятельности, рассказывает о том враждебном к себе отношении, с каким дружине пришлось столкнуться на первых же порах.

«Рассказывают, — пишет генерал Смельский 23 декабря 1881 г., — что когда Скобелев, известный герой, приехал в Петербург и, желая получить в гостинице, где остановился, поболее комнат и услыхав, что более того, что ему дали, не могут отвести других номеров, так как они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелев проговорил иронически: «Экс-дружинниками», — то слова эти были доведены до сведения великого князя Владимира Александровича и государя, и вследствие этого Скобелев был приглашен к военному министру Ванновскому. Ванновский спросил его: правда, что он это сказал? и Скобелев ответил: «Да, это правда, и скажу при этом, что, если бы я имел хотя одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я его тотчас удалил бы со службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и потому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану». Рассказывают также, что великий князь Николай Николаевич, обратясь к служащим при нем, сказал: «Господа, если кто из вас вступит в тайное общество (в дружину), то заранее прошу вас не служить при мне».

Находясь летом 1881 г. за границей, на курорте в Висбадене, Салтыков встретился с юпальным сановником, бывшим министром внутренних дел графом Лорис-Меликовым, на которого придворные круги Александра третьего и вся дворянско-помещичья реакция изваливали ответственность за убийство Александра второго. От Лорис-Меликова Салтыков узнал некоторые подробности о деятельности организации и личном руководящем составе «священной дружины». Так зародилось знаменитое третье «письмо к тетеньке», посвященное некоему «Обществу частной инициативы спасения», оно же, «Общество проломанных голов». Несмотря на эзопов язык и литературную противоцензурную маскировку, Салтыков весьма опасался за судьбу этого «Письма». Он писал еще в июле Михайловскому, что готовит для августовской книжки «Отечественных записок» письмо о «Содействии об-

щества», но опасается, как бы оно не было вырезано. К августовской книжке статья не поспела. 10 сентября Салтыков писал Михайловскому: «Вместе с сим посылаю третье письмо к тетеньке... Думаю, что оно и неудовлетворительно и весьма не цензурно»¹. Предчувствие не обмануло Салтыкова. «Третье письмо» было действительно вырезано как нецензурное — но именно потому, что оно оказалось в высшей степени «удовлетворительно», и попало в самую цель.

Сентябрьская книжка «Отечественных записок» вышла без «Третьего письма к тетеньке». Но статья получила самую широкую известность в публике. Об этом писал сам Салтыков Г. Елисееву, публицисту и соредактору «Отечественных записок»:

«Сентябрьское письмо ходит по рукам в списках со всевозможными комментариями (оно касается известной дружины) и производит гораздо больше шума, нежели того заслуживает».

Шум был такой, что Салтыков имел некоторые основания побаиваться последствий. Елисеев, живший в это время в деревне, просил выслать ему «Третье письмо». Салтыков отвечал:

«Вырезанного «Письма к тетеньке» я вам не посылаю и не могу послать. Воистину боюсь. И так оно теперь по рукам ходит, так что, чего доброго, заподозрят меня даже в распространении, и я даже из книжки его выдрал и всем просящим показываю: вот! На днях какой-то с улицы зашел: «Позвольте, говорит, почитать; я тут же у вас прочту и никому не скажу». Вот до чего дошло!...»

«По поводу этого «Письма», — продолжает Салтыков, — граф Игнатъев мне объяснил, что он не решился пропустить его, потому что оно могло бы мне навлечь большие неприятности, и прибавил, что он показывал статью государю, и государь одобрил распоряжение о непропуске». (Заветы, 1914 г., кн. 4, стр. 32).

«Третье письмо» так и не увидело при жизни Салтыкова полностью света в легальной печати. Оно было напечатано тогда же в зарубежном «Общем деле», а отдельные части Салтыков использовал в дальнейших «Письмах к тетеньке».

Не удивительно, что Александр третий запретил сатирический очерк Салтыкова. Сколько-нибудь осведомленный читатель должен был поражаться смелости Салтыкова, дав-

¹ М. Салтыков. Письма. Ленингр. 1925, стр. 208—212.

шего удивительно яркую картину великосветской игры в шпионаж.

«... Вот этот половой, которого сейчас в коридоре Тимофеем крикнули, — вы думаете, что он Тимофей? Нет, он только здесь, при исполнении обязанностей Тимофей, а у себя дома и вечером в клубе он — князь Санпатре...»

— Как! Тот самый Санпатре! — воскликнул я в изумлении...

Все превосходно понимали, что князь Санпатре, член «Общества частной инициативы спасения» — это князь Демидов Сан-Донато. Детальное исследование раскрыло бы и другие псевдонимы: князь Букиазба, Амалат-бек и др. Всей этой титулованной компании сыщиков Салтыков позже, в «Современной идиллии», дал другое, выразительное и вполне исчерпывающее определение: Клуб взволнованных лоботрясов. Ибо действительно все они находились в непрерывном, до паники доходящем, волнении, и все они были действительно лоботрясами. И даже наиболее блестящий из них, доктор прав гейдельбергского университета, флигель-адъютант и флигель-конституционалист высочайшего двора граф П. П. Шувалов был в конечном счете только лоботрясом.

Салтыкову было многое известно из планов «священной дружины». Он знал также, что дружина создает газеты, которые выглядели бы как прогрессивные, даже как революционные издания, а между тем исподволь очень тонко вливали отраву в общественное сознание и дискредитировали революционное и либеральное движение. Салтыков не мог, конечно, знать, в точности, кто и как это делает. Его ближайший сотрудник и товарищ по «Отечественным запискам», известный публицист-народник С. Н. Кривенко, вел переговоры с неким Ярмонкиным об издании газеты «Светоч» в радикально-народническом духе, и не подозревал, конечно, Кривенко, что Ярмонкин действует по инструкции графа П. П. Шувалова, — как не подозревал М. П. Драгоманов, что редактор заграничного «Вольного слова» А. П. Малышинский служит все той же «священной дружине». Ярмонкин впоследствии издавал реакционные «Письма идеалиста», а Малышинский правую газету «Народ», и оба до смерти своей не признались в том, как они мистифицировали литературную публику. Князь Демидов Сан-Донато издавал свою газету «Россия», другой член «священной дружины» Поляков субсидировал газету «Московский телеграф». Затевались и другие газеты, при чем агентом «священной

дружины» среди журналистов выступал некто Корнилий Бороздин, о котором Салтыков наверно знал и который в третьем «Письме к тетеньке» выступает под именем Расплюева.

«Давайте, говорю, братцы, газету издавать! Обрадовались. Вот этот самый князь Санпатре пятьдесят тысяч из кармана и выложил.

— Однако, денег-то у него довольно! — не выдержал и воскликнул я.

— Пропасть! и преусердный — так ко всем с деньгами и лезет. Ну, газету — так газету. Только, говорю, нам такого редактора надо отыскать, чтобы во всех статьях был мерзавец, чтобы совести не знал, правды от роду не говорил, а за тысячами не гнался. И вот — судите, как хотите: не успел я выговорить, смотрю — он в дверях. Иуда Искариот! Тебя-то нам и нужно! Сейчас ему пятьдесят тысяч в руки: издавай газету «Фрегат Надежда»...

В частности с предложением издавать газету не без успеха подошел агент «священной дружины» Корнилий Бороздин к известному либеральному публицисту, и общественному деятелю Николадзе. Газета у них, правда, не наладилась. Но Николадзе сблизился с графом Шуваловым и взял на себя миссию уговорить народовольцев отказаться от террора. О том, как он ездил по поручению «священной дружины» за границу, о своих переговорах с представителями исполнительного комитета «Народной воли» Николадзе сам рассказал впоследствии. Но отчасти с его слов, а отчасти со слов Драгоманова пошла в либеральной печати некоторая тенденция прикрасить графа Шувалова, навести на него либерально-идеалистический лоск. Богучарский склонен был видеть в нем искреннего конституционалиста, своего рода маркиза Позу при дворе Александра третьего, а Б. Кистяковский в своей книге «Страницы прошлого» и совсем расчувствовался и изобразил графа Боби в виде знатного барина, преданного бедному народу и заботящегося о рабочих на своих заводах. Все это вздор. Граф П. П. Шувалов был, конечно, не только шелопаем, как изображает его князь Мещерский. Он был, пожалуй, и не только лоботрясом. Он был прежде всего достойным племянником своего дяди-жандарма, жандармом по призванию и по вкусам. Но он хотел быть жандармом в стиле Бисмарка, который ведь заигрывал с рабочим движением, создавал «рептильный фонд» для подкупа журналистов и был сто-

ронником всеобщего избирательного права для более успешной борьбы с революцией. А сверх всего этого он был «графом Боби», слишком несерьезным человеком для серьезной помещичьей реакции 80-х годов. Победоносцев без особого труда свернул ему голову, когда обозначились притязания графа Шувалова на власть. Есть нечто родственное у Шувалова с Зубатовым, и общая у них была судьба. Оба потерпели крушение в своей жандармской игре с революцией.

ЛОБОТРЯСЫ ЗА РАБОТОЙ

Во главе «священной дружины» стоял, как сказано было выше, центральный комитет. Ему подчинялись организационная и исполнительная комиссии. Для руководства всем внутренним сыском организованы были попечительства в Петербурге и Москве и районные инспектуры в провинции. Руководство заграничной агентурой и высшей политикой дружины сосредоточивалось в руках самого Шувалова.

Попечителем петербургского района был сначала Демидов Сан-Донато. Но так как дело не налаживалось, то сменил его генерал Безобразов, а потом князь Щербатов. Однако и здесь все важнейшие дела восходили к графу Шувалову, а через него и Воронцова-Дашкова к Александру третьему, который лично входил во все подробности шпионского дела.

Попечителю был подчинен начальник шпионских бригад, и для этой должности подбирались специалисты сыского дела. Первым начальником петербургского района был знаменитый в свое время начальник сыского отделения, русский Шерлок Холмс, Путилин. Он, однако, очень скоро проворовался свыше всякой меры и на его месте оказался некто Назаров, тоже специалист уголовного сыска. И он проворовался в первые же дни. Тогда приглашен был ведать сыском генерал Смельский, бывший специалист из «третьего отделения», не поладивший со своим начальством и удаленный со службы. Этот Смельский как будто бы не крал, если верить его словам. Он оставил довольно подробный дневник, который был напечатан в «Историческом вестнике» в 1916 г. Выходит по этому дневнику, что все вокруг Смельского были в дружине ворами, негодями и авантюристами, а он единственный агнец невинный. И удален был Смельский из дружины вскоре после того, как он принял на себя обязанности начальника, будто бы по той причине, что заведомый вор князь Щербатов, назначенный попечителем, не желал ни с кем делиться доходами и сам стал ведать сыском. Дневник Смельского носит явные при-

знаки фальсификации, им же проделанной, и служит он определенной цели: доказать полицейскому начальству генерала Смельского, что он то никогда не сочувствовал подпольной работе дружины и, пребывая в ней, ратовал за совместную дружную работу с департаментом полиции. Так это или не так, не представляет особого интереса. Сомнительна та лестная аттестация, которую выдает сам себе Смельский. Но нет оснований сомневаться в правильности тех характеристик, которые он дает своим сослуживцам. В частности князь Щербатов свою карьеру по «священной дружине» тем и закончил, что был отдан под суд за казнокрадство.

На внутреннюю агентуру расходовалось по словам генерала Смельского свыше 120 тысяч руб. в одном петербургском районе. Целый штат бригадиров с подручными шпионами занимался слежкой. А за ними в свою очередь следили шпионы департамента полиции, где орудовал тогда знаменитый полковник Судейкин. Дилетанты политического сыска конкурировали с профессионалами, и профессионалы вскоре взяли верх и ловко использовали ошибки дилетантов.

Лоботрясы в Петербурге взялись за дело энергично и сразу же открыли три нелегальные типографии. Успех чрезвычайный; о нем немедленно доложили царю, который с глубоким интересом следил за всеми деталями сыска дела. В Ковенском пер. в д. № 9 в квартире студента Вороновского по ночам постоянно слышен был стук. Полиция скептически отнеслась к донесению агентов «священной дружины», потому что нелегальные типографии технически тем и отличаются от легальных, что при работе не стучат или незначительно стучат. Однако все же ночью в соседнюю квартиру забрался наряд полиции и добровольцы-дружинники с приставом Живоглядным во главе. Затаив дыхание, прислушивались. Среди ночи, когда раздался стук, ворвались в злополучную квартиру, — и нашли грудного младенца в коляске... Так об этом и доложил министру внутренних дел петербургский обер-полицеймейстер: «Для окончательного разъяснения этого вопроса на следующую же ночь был назначен пристав Живоглядов находиться в той же квартире, из которой можно было слышать стук, с тем, чтобы когда он снова начнется, пристав вошел в квартиру вместе с агентами «св. дружины» в виде понятых и разъяснил причину этого стука. Так и было сделано, при чем оказа-

лось, что стук происходил от тележки, в которой укачивали грудного ребенка Вороновских».

Не лучше вышло дело и с другими двумя типографиями. Это были, впрочем, настоящие легальные типографии, одна на Николаевской ул. в д. № 20, а другая на Московской ул. в д. № 7. «Св. дружина» открыла, что в первой печатается «Черный передел», а во второй «Народная воля». На Николаевской ул. по окончании работ в типографии приходят туда какие-то люди и остаются там поздно, и одна женщина, — знакомая дружинника, — собственными глазами видела, как из второй типографии выносили пачки с надписью «На... Воля». Полиция была поднята на ноги, началась усиленная слежка, но после долгих наблюдений обер-полицеймейстер должен был сообщить министру: «...оказалось, что лиц, проходящих по ночам, никаких нет, но все-таки, для большего еще убеждения в том же доме, недели две тому назад, нанята комната, в которой помещается агент от «св. дружины» и агент от секретного отделения. Последнему удалось сойтись с горничной г-жи Розенталь (содержатель типографии), от которой и узнано, что по четвергам у г-на Розенталь бывают вечера и гости сидят у него очень долго. Эти вечера по четвергам и послужили основанием к подозрению о существовании там тайной типографии». Наблюдение тем не менее не было прекращено, и на докладе о типографии Розенталь имеются пометки Александра III, свидетельствующие о том, что самодержец всероссийский с глубоким интересом следил за успехами агента у горничной Розенталь. А тайной типографии так и не нашли.

Долго следили и на Московской ул. А потом полиция выяснила, что подруга дружинника, некая Безрукавникова-Сokolova, была прежде любовницей домовладельца Казакевича и была этим Казакевичем в лучших своих чувствах оскорблена. Донос ее был явно клеветническим измышлением. Наблюдение никаких следов преступной деятельности Казакевича не открыло, и все же стояли у дома агенты-извозчики, и поселилась в этом доме агент-женщина «с поручением войти в более близкое знакомство с Казакевичем», и налетала полиция несколько раз под всякими предлогами для обыска... Ложные доносы бывали и раньше, и не один раз полиция кружилась по ложным следам и тратила время и энергию на выслеживание ни в чем неповинных людей. Но теперь, когда за дело взялась «св. дружина», поводы были явно вздорные, и в глазах полиции нелепость доносов стала очевидна, и

проверить их ничего не стоило. Однако во главе сыска стояли титулованные лоботрясы, и сам царь из Гатчины, никому не доверяя, стремился заглянуть во все черные дворы петербургских домов; полиция поэтому, сбиваясь с ног, принимала участие в опереточном действии, и только между строк в докладах не без иронии указывала на грудного младенца, укушивание которого так потрясло «св. дружину».

Открытие «св. дружиной» тайных типографий имело больше комический характер и никому существенного вреда не причинило. Были, однако, случаи не менее водевильного характера, причинившие немалую тревогу невольным участникам и жертвам водевиля.

В средних числах ноября агенты «св. дружины» схватили и арестовали девушку, мирно гулявшую в парголовском парке. Ей заявили, что она Вера Филиппова, — под этим именем полиции известна была Вера Фигнер. Напрасно уверяла несчастная перепуганная девушка, что это ошибка, недоразумение, что она местная жительница, дочь врача Македонова, который тут же, в Парголове, уже много лет владеет дачей, что ее знают все окрестные жители и в этом легко удостовериться, — стоит только пойти с ней домой. Никакие доводы не помогали. Девушку с торжеством повлекли в город и сдали в департамент полиции, а царю немедленно с торжеством доложили, что «св. дружине» удалось схватить знаменитую Веру Филиппову, за которой охотилась тогда вся российская полиция. Для престижа официальной полиции это был, конечно, удар, но с тщательно замаскированным злорадством Судейкин докладывал через несколько дней министру следующее:

«По произведенному дознанию оказалось, что задержанная женщина есть дочь врача Марья Михайловна Македонова, то-есть та самая личность, за которую она выдает себя. Факт этот, кроме других лиц, с достоверностью подтвердил местный полицейский урядник Гавриил Моисеевич Косач и проживающий в Петербурге присяжный поверенный Аркадий Покровский и нотариус Закревский, знающие Марью Македонову с малолетства, а равно и отца ее, коллежского советника, служившего врачом при воспитательном доме Парголовского округа.

Независимо от сего дознано, что названный отец Македоновой много лет владел недвижимыми имениями в окрестностях Парголова, а сама она, выросшая в этой местности, чрезвычайно близко известна не только коренным жителям

этой местности, но и всем служащим на близ протегающей железной дороге, так что малейшая попытка агентуры «св. дружины» к разъяснению сомнений насчет личности Македоновой, если только таковые могли иметь место в данном случае, увенчалась бы положительным успехом в самом Парголове и даже с большим успехом и достоверностью, чем здесь в Петербурге.

Наконец, Марья Македонова указана была лично знавшему Веру Филиппову государственному преступнику Меркулову, который не только не признал ее за последнюю, но с полным убеждением заявил, что она не имеет ни малейшего сходства с нею»...

Судейкин издевался над «св. дружиной», но так велик был страх перед лоботрясами, что начальник охраны все же не решился освободить арестованную женщину, и она продолжала сидеть, пока не последовало распоряжение министра освободить ее и даже извиниться перед ней. Македоновой сообщили, «что она была жертвой недоразумения».

В конце ноября 1881 г. «бригадир» «св. дружины» Молотов, человек по отзыву его же начальства «грубый и мало развитой», сделал сенсационное открытие. В кухмистерской Вишнякова на Надеждинской ул. д. № 33 революционеры собираются почти открыто днем и вечером, обсуждают свои дела и явно готовят восстание или покушения, потому что один революционер громко заявил: «Взрыв готов». Началось наблюдение, в котором приняли участие и дружинники постарше чином и званием — из любви к искусству. Оказалось, действительно происходят сборища, на которых революционеры, «бывающие во множестве в кухмистерской Вишнякова», производят не весьма определенные, но «крайне революционные действия». 4 декабря этим делом занялся исполнительный комитет «св. дружины» под председательством графа П. П. Шувалова. Князь Щербатов сообщил сведения потрясающие. Мало того, что многолюдные сборища происходят под самым носом у полиции, на этих сборищах выступают с речами революционеры, публика поет революционные песни и устраивает бесчинства. Например, студент-медик Соломон Яковлевич Эйнгорн публично плевал на портрет Александра II, а затем облил его маслом из лампы... От такого свержающего поступка публика даже растерялась было, но студент Эйнгорн стал кричать: «Будьте смелее, мы все свои, мы сила!» И тогда вся публика начала петь какие-то совсем неприличные куплеты. Но что еще

ужаснее, — среди публики было много офицеров, в том числе и гвардейских, и офицеры эти тоже принимали участие в революционных «действиях». Самое однако непостижимое во всей истории это то, что полиция знает о революционных сборищах и ничего против них не предпринимает. Полиция очень хорошо осведомлена, потому что слугами на этих вечерах бывают переодетые городовые. Это не секрет ни для кого, и меньше всего для революционеров, так что публика прямо кричит: «Эй, городской! подай стакан чаю!». Полиция повидимому до того запугана, что не решается разгонять сборища и задерживать революционеров.

Хотя все это походило на нескладный и неумный бред, но исполнительный комитет пришел в волнение чрезвычайное. Надо было немедленно, пока не поздно, в зародыше подавить начинающуюся революцию. Шуваловым или под наблюдением Шувалова была изготовлена докладная записка, изобличавшая одновременно учащуюся молодежь и официальную полицию. Записка и агентурная сводка пошли экстренно в Гатчину к царю, и начался уже всеобщий переполох. Первым делом, конечно, был арестован студент Эйнгорн, а затем последовал запрос министру внутренних дел гр. Игнатьеву. Министр ничего не знал о революционных сборищах и запросил, с присовокуплением комплиментов от себя, петербургскую полицию и Судейкина. Департамент полиции, перетрусив не на шутку, предписал немедленно арестовать, разогнать, закрыть... Однако, Судейкин и петербургский обер-полицеймейстер генерал Козлов не растерялись и на докладную записку графа Шувалова ответили своей запиской, строго деловой и фактической, с хорошо, однако, запрытанной иронией между строк.

Подвел «св. дружину» прежде всего снова младенец. Когда арестовали студента Эйнгорна, то оказалось, что у него умер на-днях ребенок, и установлено было с точностью, что в тот вечер, когда он, по сведениям графа Шувалова, плевал на портрет Александра II, ребенок находился при смерти и отец неотлучно был у его постели. Мало того. Предъявили несчастного студента агентам «св. дружины», и те не признали в нем лицо, плевавшее на портрет. Эйнгорна пришлось освободить; неизвестно, извинялись ли и перед ним; вероятно, обошлись без таких тонкостей. Но главный по эффекту номер из романа, сочиненного Шуваловым и Щербатовым, выпал. А Судейкин и Козлов подорвали эффект и других номеров.

Страшные сборища, открытые «св. дружиной», оказались превосходно известными всему Петербургу традиционными студенческими земляческими вечеринками. Они всегда существовали, полиция смотрела на них сквозь пальцы и не находила нужным их запрещать, потому что вреда от них не было, а польза некоторая была. Бытовая сторона этих вечеринок хорошо обрисована в докладе генерала Козлова: «1. на этих вечерах от секретного отделения находились агенты из числа учащейся молодежи; 2. на всех вечерах от того же отделения назначалось два агента, которые в качестве официантов прислуживают на вечерах, и 3. назначались еще агенты для прослеживания тех лиц из бывших на вечерах, которые почему-либо обращали на себя внимание... для удобств наблюдения во всех комнатах кухмистерской Вишнякова были сняты все внутренние двери, чтобы не дать возможности в отдельных комнатах делать и говорить что-либо тайно. Оставлена была дверь только в одной комнате, но по отношению ее производилось наблюдение через вентильатор, выходящий на антресоли, где всегда находились еще агенты, которые могли видеть и слышать почти все, происходившее в этой комнате...»

Описав эту обстановку свободных и непринужденных студенческих вечеринок, генерал Козлов резонно замечает, что серьезные революционеры, имеющие основание избегать встреч с полицией, этих вечеринок не посещают. «В общем, — говорит генерал Козлов, — ничего солидарного между посетителями никогда не было: вечера эти всегда представляли из себя веселящуюся молодежь, при чем большинство всегда танцует, некоторые поют, а другие просто пьют пиво и вино. На вечерах бывает такой шум и разнообразие, которые никоим образом не допускают до произнесения какого-либо тоста или возбудительной речи...» Посетители вечеров входят по платным билетам, при чем в распоряжении полиции бывало всегда не менее 25 билетов. Ничего нет удивительного и в том, что среди посетителей бывали офицеры; они приходили со своими знакомыми, так как никакого подбора гостей по направлению на этих вечерах не бывает.

Случались на вечеринках не совсем благонадежные выходы, но все больше «по пьяному делу». Так, например, 31 октября один из бывших в нетрезвом виде молодых людей, сидя у буфета в обществе пяти товарищей, находившихся в таком же состоянии опьянения, предложил выпить за здоровье второго Желябова; двое из сидевших с ним чокнулись,

другие трое отказались. Были также случаи, что в отдельной комнате между 8—9 человеками иногда слышались стихи в честь Перовской и Желябова, но все это делалось настолько тайно, что при приходе нового лица или официанта все умолкало, и заводился другой разговор...

Рассеяв страх, который нагнала на царя «св. дружина», генерал Козлов решительно высказался против запрещения этих студенческих вечеринок. Главный и наиболее убедительный довод его заключался в том, что «эти вечера являются полезными в смысле расследования преступной среды». Между тем запрещение их озлобит без нужды учащуюся молодежь, вызовет нелегальные вечеринки на частных квартирах и затруднит таким образом наблюдение над студенчеством. Вечеринки, кроме того, полезны тем, что дают развлечение молодежи, «отвлекая вместе с тем учащуюся молодежь от прямого участия в политических делах».

Любопытно, как объяснял полицейский генерал расхождение во взглядах на студенческие вечеринки между ним и «св. дружиной». «Разница эта, — докладывал он министру, — заключается, по моему мнению, в том, что агентами, наблюдающими за этими вечерами со стороны «св. дружины», были по преимуществу староверы, люди, как известно, слишком честные и благонамеренные, но доводящие свой скромный образ жизни почти до монашеской, а потому естественно, что они в обыкновенных танцах и пении молодежи уже видели нечто преступное». Трудно думать, чтобы генерал Козлов или Судейкин писали это совершенно серьезно. Среди агентов «св. дружины» могли быть и староверы, могли быть случайно и «слишком честные» люди, но в общем «св. дружина» оставила по себе память среди всяких других подвигов и чрезвычайным пьянством, расточительством и разгулом своих сотрудников и агентов.

Доклад генерала Козлова был представлен царю в Гатчине гр. Игнатьевым 11 декабря. Царь написал на полях: «Эти объяснения Козлова ставят вопрос совершенно иначе». «Свящ. дружина» потерпела поражение.

В середине 1882 г. московская охранка начала исподволь ткать паутину надзора и выслеживания вокруг студента-медика Константина Кондопуло. Предполагалось, что найдены будут нити к московской народовольческой организации. Следили систематически, не спеша, так что студент успел окончить университет и стать младшим полковым врачом. Установили его знакомство с находившейся уже под

арестом Маковой и добрались, наконец, до какой-то женщины, проживавшей на Колокольниковом переулке под именем Пелагеи Федоровны Любимовой. Охранка успела уже убедиться, что паспорт у Любимовой подложный, успела включить в круг наблюдения и других лиц, но никаких еще существенных данных в своих руках не имела.

Колокольников пер. узкий и небольшой, шпики охранки вскоре убедились, что за тем же домом Гессе, где жила Любимова, наблюдают и другие шпики, им неизвестные. Тогда началось уже взаимное выслеживание шпииков, и у охранки не осталось сомнений в том, что в дело вмешалась «св. дружина». Детали этого кинематографического романа нам неизвестны. Но кончилось это тем, что и дружинники узнали о нелегальности Любимовой. Тогда они удвоили свое усердие, чтобы все давры достались им, и увлечение их было так велико, что Любимова и Кондопуло вскоре заметили азартную возню сыщиков в Колокольниковом переулке. Охранка злилась, но была бессильна. А в один прекрасный день «св. дружина» заявила, что Кондопуло и Любимова собираются бежать и их надо немедленно арестовать. Кондопуло арестовали, а Любимова скрылась — решительно ничего их изоблачающего не нашли, и все дело, на которое охранка возлагала такие надежды, сорвалось.

В раздражении московский обер-полицмейстер жаловался департаменту полиции: «...оказывается, что общество это, «св. дружина», получила абсолютно ложное сведение о предполагавшемся побеге, или, что конечно вернее, люди, руководящие добровольной охраной, умышленно солгали. Кондопуло решительно и не думал о побеге, а должен был, как это и было мне известно, отправиться к месту своего служения в Белевский полк. Я несколько бы не удивился, если бы добровольная охрана подслала кого-нибудь к Любимовой с предупреждением, что за ней наблюдают и что ей необходимо скрыться. Случай этот лишает в моих глазах доверия сведения, получаемые от общества добровольной охраны, и кроме того ставит необходимость прекратить безобразное отношение добровольной агентуры к правительственной».

Департамент полиции подбирал материал такого рода и выступил, наконец, с прямым обвинением «св. дружины» в том, что она фактически содействует революционному движению.

Деятельность «священной дружины» в провинции слабо освещена материалами. Витте рассказывает в своих воспо-

минаниях, что он был поставлен во главе киевской инспектуры, и работал очень энергично в киевском районе некто Воронович, о котором придется ниже говорить особо. В члены «священной дружины» спешили записаться на первых порах местные лоботрясы, принимавшиеся за ссыск с величайшим рвением. Вот с каким письмом обращался, например, неизвестный впоследствии черносотенец—губернатор М. Азанчевский, тогда исп. должность саратовского губернатора, к местному какому-то члену дружины:

«Милостивый государь Валентин Михайлович! На основании ст. 491 т. II, ч. 1. Св. зак. изд. 1876 г., заступая место губернатора, отправляя его должность как бы и он сам, я нашел необходимым поручить Вам следующее:

В силу правительственных распоряжений противодействие крамоле может совершиться с особым успехом, когда усилия полиции будут поддержаны общественным содействием и в особенности дворян-владельцев.

Причисляя Вас к числу тех добронадежных, охранительных сил губернии, которые вполне благотворно могут на себя взять и исполнить великую современную задачу России—охрану престола и отечества от темных влияний, и помочь нашему государю-батюшке в уничтожении всякого посягательства на самодержавную власть,—поручаю Вам, милостивый государь, во исполнение части великой нашей общей задачи, отправиться в Вольский уезд—участвовать при передаче своих обязанностей нынешним исправником Кадыновым помощнику его Логвинову; собрать всеми путями с должной осторожностью и предусмотрительностью сведения о противоправительственной деятельности г-на Фролова и найти все пути, которыми он действует вредно на здоровые и верноподданические чувства крестьянства. Насколько вредно влияние раскола на преданность церкви православной и власти самодержавной; как действует богатство некоторых личностей на развитие бесконечных и неограниченных стремлений в экономическом улучшении народа, и как велико в народе предпочтение деньгам и их силе пред силой законной власти.

Не предрешая ни один из этих вопросов, я рассчитываю единственно в успехе возложенного поручения на природную и врожденную принадлежность Вашу к дворянству, первую и надежнейшую опору престола. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Матвей Азанчевский».

Этот документ помимо всего прочего примечателен по силе и откровенности выраженных в нем дворянски-поме-

щичьих тенденций. «Священная дружина» в глазах ее участников была не только организацией для борьбы с революционерами-террористами и для охраны царя, но и классовым помещичьим союзом для охраны особых дворянских привилегий. То, что провинциальный дворянин Валентин Михайлович выражал несколько грубо в виде прямой диктатуры саратовских дворян над всем населением своей губернии, изысканный барин, политик «с головой Бисмарка», граф Шувалов облакал в более тонкую и европейскую форму своего проекта «конституции» с палатой русских лордов на английский манер. Александр III вовсе не был расположен стеснять себя конституцией,—хотя бы и лордов; а кроме того, и лорды-то были не лорды, а лоботрясы, что вскоре и обнаружилось. Легко себе представить путаницу, какая должна была получиться в головах уездных властей при появлении «Валентина Михайловича», который собственно и звания никакого не имеет, но снабжен большими и таинственными полномочиями и получил полную возможность безнаказанно и бесконтрольно куражиться над безответным населением.

„СВЯЩЕННАЯ ДРУЖИНА“ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭМИГРАЦИЯ

1. Погоня за Гартманом.

Деятельность «священной дружины» в качестве полицейско-сыскной организации носила по преимуществу анекдотический характер, особого успеха не имела и никакого следа по себе не оставила. Не сохранилось следов террористической работы «свящ. дружины» против народовольцев. Замыслы такие несомненно были, но внутри России они по видимому осуществления не получили даже хотя бы в виде попыток.

Успешнее действовала «священная дружина» в либерально-буржуазной среде. Ей удалось завязать кое-какие связи и с радикальствующей интеллигенцией и с либеральными земцами. Как раз эта сторона деятельности «священной дружины» могла бы быть всего больше освещена. Мы знаем, что известный либеральный общественный деятель и писатель 80-х гг. Н. Николадзе, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», редактор в 1878—1880 гг. большой тифлисской газеты «Обзор», поддерживал очень тесные отношения с графом Шуваловым, бывал у него и вел интимные политические беседы. Публицист-народник Кривенко был хорошо знаком с Корнилием Бороздиным и Ярмонкиным, агентами «священной дружины» и шли между ними разговоры об издании большой газеты. Виднейший представитель земской интеллигенции того времени, впоследствии редактор «Русской мысли», В. Гольцев не только был близок к графу Шувалову, но и получал от него значительные суммы для субсидирования заграничного «Вольного слова». Встречался с графом Шуваловым и Петрункевич, патриарх земского либерализма... Словом, связь либеральной интеллигенции с руководителями «священной дружины» не была случайной. Но только Николадзе рассказал в печати о своих сношениях с «священной дружиной», главным образом о том, как он ездил по поручению Шувалова за границу договариваться

с народолюбцами об отказе от террора. («Былое», 1906 г., № 9). Да и то есть в этом рассказе какая-то недоговоренность. А Кривенко, Гольцев, Петрункевич так и молчали упорно всю свою жизнь о своих встречах и разговорах с графом Шуваловым,—уж конечно не потому, что боялись раскрыть тайну этой организации. И позднейшие либеральные исследователи,—Богучарский, Кистяковский, не щадя усилий для раскрытия подпольной работы «священной дружины» в области шпионажа и провокации, как-то уж очень деликатно обходили вопрос о сути тех политических разговоров, которые велись между видными представителями помещичье-дворянской аристократии и представителями либерально-помещичьей и буржуазной интеллигенции. Личность графа Шувалова не представляла секрета для видных либералов. Об этом свидетельствует рецензия в «Отечественных записках», принадлежащая перу Н. К. Михайловского, о романе-памфлете князя Мещерского «Князь Нони». Об этом свидетельствует и «Третье письмо» Салтыкова. А все же и Гольцев, Кривенко, и Петрункевич, и Драгоманов не отказывались от связи с Шуваловым. Замазывая эту связь, Богучарский и Кистяковский и старались всячески приукрасить личность Шувалова и на первый план выдвигали не жандармские, а «земско-либеральные» черты его деятельности. По всем данным в основе этих переговоров лежало соглашение, может быть и неоформленное, о совместной борьбе правого и левого крыла помещичье-дворянской интеллигенции против революции.

Вот эта сторона деятельности «священной дружины» оставила по себе наиболее яркий след. Здесь Шувалову удалось добиться некоторых успехов. Но эта деятельность протекала в значительной степени за границей, в эмигрантской среде, и была она делом рук заграничной агентуры «священной дружины».

За границей, в главных центрах—в Париже, Берлине, Женеве—у «священной дружины» была обширная сеть шпионов, конкурировавших с шпионами департамента полиции. Были среди них и иностранцы, преимущественно французы,—в том числе светила заграничной сыскной полиции—Жуль, Бинт и др. Провал одного из таких шпионов, некоего Франка, разоблаченного французской радикальной печатью, наделал немало шума.

Работа «священной дружины» за границей не ограничивалась шпионажем. Витте в своих мемуарах рассказывает о

том задании, которое он получил как агент «священной дружины» от графа Шувалова. Он должен был отправиться секретно в Париж и встретиться там с гвардейским офицером Полянским, на которого возложена была Шуваловым задача убить известного революционера—террориста Льва Гартмана, принимавшего в 1879 г. участие в организации взрыва царского поезда. Гартман скрылся после этого за границу, и русское правительство добивалось от французского его выдачи. Он был арестован в Париже, но освобожден после энергичной кампании протеста, поднятой французской радикальной печатью под руководством Виктора Гюго. В 1881 г. «священная дружина» получила от своей парижской агентуры сведения о том, что Гартман возвращается в Россию и готовит террористический акт против Александра третьего.

Витте встретился с Полянским и узнал, что покушение на Гартмана уже подготовлено и наняты два апаша, которые следят за Гартманом и убьют его по первому же приказу Полянского. Покушение однако не состоялось и будто бы было отменено в последнюю минуту «священной дружины», о чем Полянскому сообщил чиновник парижского русского посольства и агент «священной дружины» Зографо. С тем Витте и возвратился в Россию.

Охотились агенты «священной дружины» и за Кропоткиным, но тут вышел комический эпизод, о котором рассказано будет ниже.

Более «плодотворной» была провокаторско-литературная работа «священной дружины». Ею были созданы в Женеве две газеты: «Вольное слово» для овладения правым, умеренно-либеральным крылом эмиграции, и «Правда»—для провокации и шпионажа среди террористического крыла.

2. Драгоманов и «Вольное слово».

Летом 1881 г. русская эмигрантская Женева,—как и вся политическая Россия,—топилась в раздражительной, нервозной тоске. Все чего-то ожидали,—новых выступлений, новых покушений, народного движения, амнистии, конституции,—и ничего не было. Из России приходили известия об арестах и репрессиях и недостоверные слухи о том, что исполнительный комитет Народной Воли выжидает и готовит новые покушения. Закрадывались сомнения, но их еще не высказывали. Созревала готовность к переоценке прежних путей борьбы, но еще подавляло

впечатление от дела 1-го марта. «Молодежь верила в террор, как в бога», — по выражению Плеханова.

В знаменитом кафе Грессо, где собирались русские эмигранты, — служившем одновременно форумом, клубом и биржей труда, — было затишье. Завсегдатаи пробавлялись мелкими слухами и сплетнями из жизни колонии: крупных событий не было. В руководящих кругах колонии были подавленность и разброд. Один из наиболее видных представителей женевской эмиграции, украинский политик, публицист и ученый, профессор Драгоманов, перессорился и разошелся со всеми другими вождями и лидерами, — и со старым бакунистом Жуковским, и с анархистами, которых представлял Черкезов, и с чернопередельцами Дейчем, Плехановым, и с польскими социалистами Мендельсоном и Лимановским. Разброд и раскол, как это часто бывает, начался с попытки всех объединить. Горячие споры об этом шли на квартире у Драгоманова, где раз в неделю собиралась избранная часть женевской эмиграции. У Драгоманова бывали охотно, и попасть к нему для новичка было великой честью.

Привлекала уютная и семейная обстановка, сам хозяин, всегда живой, остроумный, интересный собеседник и спорщик. А затем совершенной новостью для эмигрантов явились большие, устроенные Драгомановым политические собрания, на которых обсуждался вопрос об организации единой социально-революционной партии, но на федеративных началах и с делением по принципу национальностей. Формально, впрочем, инициатором собраний был не Драгоманов, а «группа социалистов-евреев», но злые языки говорили, что в группе всего два человека, и создал эту группу как первый камень в строительстве новой партии сам Драгоманов. Из собраний ничего, кроме крика, шума и взаимных обид, не вышло, и Драгоманов после провала своей затеи ушел в сторону от колониальной жизни. А затем произошел разрыв с чернопередельцами, — в такой скандальной форме, с такими пикантными и таинственными подробностями, что кафе Грессо долго работало с полной нагрузкой.

Драгоманов почти целиком отдался своим украинским делам. Вокруг него образовался тесный кружок преданных ему украинских социалистов и демократов. Вместе с М. Павликом, известным впоследствии галицийским крестьянским деятелем, и С. Подолинским Драгоманов издал два номера журнала «Громада», который не надо смешивать со сборниками «Громады», — их редактировал Драгоманов единолич-

но. Подготавливал в это время Драгоманов к печати и свою работу о политических песнях украинского народа 18-го и 19-го века. Научная и литературная работа поглощала почти все его силы, но Драгоманов был политиком, публицистом, и замкнуться в кабинете или библиотеке он не мог. За событиями в России он следил с неослабным вниманием. Как и другим, ему казалось, что убийство Александра II не завершает, а только открывает эпоху революционного подъема, и в погромном антиеврейском движении 1881 г., он тоже видел симптомы пробуждающейся народной стихии, которая начала с евреев, а кончит панями. Вместе с тем Драгоманов переживал разочарование в силах социально-революционной партии. Еще недавно он саркастически писал о русском образованном либерально-буржуазном обществе, которое неспособно на активный политический протест. Свои надежды он связывал с радикальной молодежью, с пробуждающимся крестьянством, городским пролетариатом. Он приветствовал инициативу Е. О. Заславского и его южно-русского рабочего союза и предсказал рабочему движению великое будущее. Но силы народовольчества истощились в террористической партизанской борьбе: революционная организация оторвалась от народа.

А из России — вернее, с Украины — писали ему о росте оппозиционных земских настроений. Он знал о попытке южных земцев организовать, образовать земский союз; знал, что съезд земцев-радикалов в Харькове, под предлогом празднования юбилея Квитки-Оснovieвиченко, не прошел совсем даром. Драгоманов поверил, что подлинно складывается серьезно либерально-буржуазное движение, которое будет главной силой в предстоящей борьбе за политическую власть.

Эти либерально-конституционные настроения Драгоманова еще больше отделяли его от всей эмиграции. Он явно отходил от революции. Женевская и парижская эмиграция была взбудоражена и заинтригована, когда стало известно, что возникает в Женеве новая большая газета «Вольное слово» и ближайшее участие в ней принимает Драгоманов.

В мае или в июне 1881 г. Драгоманов у себя на дому вместе с Кузьмой разбирал издания «Громады» и составлял транспорт для переправки на Украину. Настоящее имя Кузьмы — Антон Григорьевич Ляхощкий, но его под именем Кузьмы сорок лет до 1918 г. знала вся русская колония Женевы. Это был сторожил эмиграции, один из интереснейших ее ти-

пов. В молодости он принимал участие в южных народнических кружках, был арестован, бежал, и в Женеве устроился в качестве наборщика в «русской типографии». Когда Драгоманов устроил украинскую типографию «Громады», Кузьма стал ее единственным наборщиком, метранпажем, корректором. Он был беззаветно привязан к украинскому революционному делу и к Драгоманову, переносил терпеливо все невзгоды жизни, работал самоотверженно и бескорыстно, не ожидая ни награды, ни славы. Ему не раз приходилось голодать, брать службу для заработка в других типографиях, но в свободные часы и на свои заработанные деньги он набирал «Кобзаря» Шевченко, украинские и русские социалистические издания, — набирал без твердого убеждения в том, что набор удастся отпечатать, а отпечатанное распространить. В скверную безденежную полосу эмигрантской жизни у него не было своей квартиры, он жил у Драгоманова в проходной комнате или ночевал в типографии. Впоследствии он завел свою маленькую типографию, и через нее прошло немало социал-демократической литературы. Он умер в Женеве в 1918 г.

Работу Драгоманова и Кузьмы над транспортом прервал приход незнакомого посетителя. Это был немолодой уже человек, представительный, весьма прилично одетый, непохожий на эмигрантов-революционеров. Он отрекомендовался — Аркадий Павлович Мальшинский, журналист, бывший сотрудник прогрессивных юдесских газет. От имени некоторой нелегальной организации, — о которой, конечно, он ничего сказать не может, — он хотел бы приступить к изданию большой еженедельной революционной газеты. Не может ли Драгоманов указать ему типографию и оказать содействие хотя бы на первых порах советом?

Драгоманов охотно откликнулся. Типография — вот лицо: Кузьма. Работы у него сейчас нет, и он — превосходный наборщик. Что касается содействия организационного и литературного, то это вопрос более сложный, и сразу Драгоманов согласия дать не может. Надо узнать, что это за группа, стоящая за спиной Мальшинского, каковы ее задачи, взгляды, цели.

Мальшинский, как Чичиков, мог бы сравнить свою жизнь с плаванием по бурному морю. Это был человек способный, но беспокойный и плутоватый. В его прошлом было много приключений, интересных встреч и знакомств, но много и темных пробелов, странная тайна всегда окружала его, и

даже впоследствии, в лагере реакции, где он успокоился после бурных скитаний, вокруг него была враждебная пустота. Ему, повидимому, не доверяли ни свои, ни чужие. На его смерть никак не откликнулись прогрессивные издания, а он был тогда (в 1899 г.) редактором большой правой газеты и старым заслуженным сотрудником «Русского вестника». Суворинское «Новое время» в десятке строк петита отметило его смерть, умолчав из деликатности о многом.

Когда Мальшинский впервые появился в Женеве в 80-х годах, Драгоманов мог знать о нем только следующее. В молодости Мальшинский учился за границей, в гейдельбергском университете. В конце 60-х годов он попал домашним учителем в Неаполе в семью княгини З. С. Оболенской, аристократической эмигрантки, видевшей в русском самодержце личного своего врага. Мальшинский был знаком с политическими эмигрантами, встречался с Бакуниным, считал себя социалистом и революционером. Позже в Женеве он бывал у Огарева и даже, повидимому, имел некоторое основание называть себя другом Огарева, — во всяком случае его собутыльником. Затем в биографии Мальшинского некоторый перерыв, неосвещенная полоса, — и он сотрудник прогрессивных газет в Одессе, украинофил, интересный и яркий человек в провинциальной интеллигентской среде. И — снова скачок: в конце 70-х годов он — скромный клерк банка в Кременчуге...

Но Драгоманов не знал, — и Мальшинский, конечно, скрыл от него, — что незадолго до появления в Женеве в решении издавать революционную газету Мальшинский был деятельным сотрудником реакционного «Берега» и состоял в дружеской переписке с издателем этой газеты, махровым черносотенцем того времени, проф. Цитовичем; скрыл Мальшинский и то, что написал по предложению генерала Дренделя книгу об истории революционного движения в России по жандармским источникам и был совсем не чужим человеком «третьему отделению». Главное же, не обмолвился ни словом Мальшинский о своих отношениях к «священной дружине», а он состоял ее заграничным агентом под кличкой Николаева 1-го и доставлял исполнительному комитету этой дружины сведения о русской политической эмиграции.

Типографская и организационная часть новой газеты, «Вольного слова», была очень скоро при помощи Драгоманова и Кузьмы налажена. Работников рекомендовал Драгоманов. Сложнее обстояло дело с организацией редакции и с сотруд-

никами. Из своей собственной братии Мальшинский мог рассчитывать только на Божидаровича-Веселитского, который тоже был агентом «св. дружины», жил в Берлине и считался специалистом по славянским делам, да еще, пожалуй, по антисемитизму. Из Петербурга должен был присылать статьи некто «Александрович», в котором можно предполагать Корнилия Александровича Бороздина — главного литературного деятеля и идеолога «св. дружины», специалиста в ней по сводничеству между реакционными заговорщиками и прогрессивной печатью.

С такими силами поставить революционную газету было мудрено, и Мальшинский старался привлечь к участию в ней видных революционеров. Русское правительство и «священная дружина» по свойственному им невежеству были убеждены, что во главе всего революционного движения, руководя им из-за границы, стоят Драгоманов, Лавров, Кропоткин и Ткачев. Мальшинскому было дано поручение организовать революционную газету, которая могла бы объединить все социально-революционные организации, но которая сама не проповедывала бы террора. Таким образом отпадали Кропоткин и Ткачев, и под некоторым сомнением оставался Лавров. Драгоманова Мальшинский настойчиво убеждал войти в редакцию и принять постоянное и близкое участие в газете. Драгоманов колебался, выжидал, покуда определятся характер и направление «Вольного слова», и добивался подробных объяснений от Мальшинского о задачах и программе его группы, чего Мальшинский, — повидимому, не случайно, — избегал.

Колебался и выжидал Драгоманов; но колебался и Мальшинский. Достаточно было пробыть и неделю в Женеве, чтобы познакомиться с внутренними отношениями в русской эмиграции и получить представление о вражде руководящих ее кругов к Драгоманову. Выпустив своими собственными силами первый номер, удивительно бесцветный, пустой, если чем и обращающий на себя внимание, то только крикливыми антисемитскими нотами в статьях по поводу еврейских погромов, — Мальшинский поехал в Париж к Лаврову. О Мальшинском и «Вольном слове» уже толковали в эмигрантских кругах — с немалым удивлением, конечно, но и с большим интересом. Следствием беседы Лаврова с Мальшинским явилось, между прочим, письмо Лаврова к П. Б. Аксельроду. Лавров писал:

«...У меня был некто Аркадий Павлович Мальшинский, издающий «Вольное слово» в Женеве. Заявил себя социалистом и просил содействия в социалистическом духе, особенно же сотрудничества по иностранному рабочему и вообще экономическому движению за плату. Я собираю сведения о нем, что за человек, имело ли бы смысл прибрать это издание некоторым образом к рукам (может быть Плеханов и писал вам об этом), но пока, так как он считает себя солидарным с программой «Черного передела» (хотя противник Стефановича и Дейча за Чигирин), указал ему, между прочим, на Вас для немецкого движения. Это было до Вашего письма. Не попробуете ли Вы пойти к нему и одновременно и пощупать его, что за человек такой, и, может быть, получить оплачиваемую немедленно работу... В сущности если он человек не запачканный, то этот орган можно бы забрать в руки (иметь, где писать) и сделать из него что-либо порядочное. Мальшинский противник террора, как он говорит, и мечтает о совокуплении воедино всех оппозиционных групп...»

Это письмо категорически опровергает установившуюся в литературе версию о приеме, оказанном Лавровым Мальшинскому. Источником для этой версии послужил полицейский доклад о деятельности «св. дружины» за границей. В нем Мальшинский фигурирует под кличкой «Крапивина» и в докладе («Записка о противоправительственных обществах не столь вредных») сказано: «С первых же слов оказалось невозможным рассчитывать на его (П. Лаврова) содействие в виду явного его сочувствия террористической фракции». В. Я. Богучарский, со своей стороны, подтвердил это сообщение с такой категоричностью, что дал повод В. А. Кистяковскому в книге «Страницы прошлого» написать, будто Лавров Мальшинского «чуть ли не спустил с лестницы».

Дело обстоит как раз наоборот. И. Лавров, и чернопередельцы отнеслись с чрезвычайным вниманием к предположению Мальшинского.

Легко могло случиться так, что «Вольное слово» стало бы органом не Драгоманова, а Плеханова, и защищало не идеи земского союза, а «Черного передела», находившегося уже на пути к группе «Освобождение труда». Если это не произошло, то отнюдь не потому, что Плеханов и Лавров с самого начала резко отвернулись от «Вольного слова» и не пожелали в нем участвовать вместе с неведомым Мальшин-

ским. Для отказа от «Вольного слова» были другие причины, искать их надо во взаимных отношениях Драгоманова и чернопередельцев, и косвенно указал на это в своем письме сам Драгоманов. Чернопередельцы хотели бы «забрать в свои руки» новую газету, но для этого надо было бы решительно устранить Драгоманова, против которого в особенности был вооружен Плеханов. Мальшинский, однако, на первых порах совершенно не был расположен к тому, чтобы отдавать «Вольное слово» в чьи бы то ни было руки, а сотрудничеством Драгоманова он чрезвычайно дорожил.

Кроме того, основное ядро чернопередельцев держалось чрезвычайно сплоченно, и участие Плеханова в «Вольном слове» означало бы непременно и вхождение в газету Веры Засулич, Дейча и Стехановича. С. Засулич у Драгоманова поддерживались, несмотря на разрыв с чернопередельцами, сравнительно хорошие отношения. Иное дело — Дейч и Стефанович. Их сотрудничество было явно нежелательно Драгоманову.

К третьему номеру «Вольного слова» отношения несколько определились. В Париже Мальшинскому не удалось нанять сотрудников. Драгоманов согласился принять участие в газете и с третьего номера начал серию пространных статей под заглавием «Историческая Польша и Великобританский интернационал».

Из чернопередельцев деятельное участие в «Вольном слове» принял П. Б. Аксельрод, который взял заведывание иностранным и рабочим отделами и из номера в номер в пространных обзорах освещал современное социалистическое движение. Другие чернопередельцы в «Вольном слове» не писали, но смотрели на него сначала совсем не враждебно — вопреки позднему об этом утверждению Л. Г. Дейча. Напротив, после выхода номера десятого, — в октябре 1881 г., — Аксельрод писал Мальшинскому, что газета нравится друзьям Аксельрода, они одобряют взятый ею тон и даже просят отпечатать некоторое количество экземпляров на особо тонкой бумаге для распространения в России через революционные организации. А еще позже Аксельрод обратился к Мальшинскому с предложением некоторого организационного объединения между заграничными группами «Народной воли», «Черного передела» и «Вольного слова», при чем предложение это Аксельрод делал не от своего собственного имени, а по уполномочию своих друзей.

Мальшинский мог поздравить себя с успехом. Газета его завоевала себе положение в эмигрантской революционной печати. Нападки, намеки и даже прямые указания «Общего дела», будто «Вольное слово» издается на казенные деньги и является органом министра внутренних дел гр. Игнатьева, не смущали Мальшинского. Это была неправда, которая служила превосходной ширмой для убийственной правды: «Вольное слово» было создано полицией не официальной, а добровольной.

До мая 1882 г., «Вольное слово» выходило с непривычной для зарубежной печати аккуратностью раз в неделю. С мая — столь же аккуратно два раза в месяц. Уже самая эта аккуратность была источником подозрений. У неведомой революционной организации были постоянные и надежные денежные средства.

Главную литературную силу «Вольного слова» составляли Драгоманов и Аксельрод. Им принадлежала добрая половина статей, обзоров, заметок, заполнявших номер. Кроме Божидаровича-Веселитского, писавшего из Берлина на славянские темы, и Александровича, поставлявшего хронику и корреспонденции из Петербурга, писал в «Вольном слове» видный народоволец И. Н. Присецкий, — один из первых, изменивших революции, впоследствии, по возвращении в Россию, либеральный помещик, полтавский помещик, член первой государственной думы и деятель кадетской партии.

В январе 1882 г. В. И. Засулич известила Драгоманова о письме, полученном из Петербурга от народовольцев, предостерегавших эмиграцию о подозрительном характере «Вольного слова». Не было, однако, в этом письме ни фактов определенных, ни строго сформулированных обвинений. К слухам надо было относиться осторожно хотя бы по той причине, что распространение компрометирующих революционеров слухов входило в систему обер-провокатора Судейкина. Драгоманов дважды беседовал по этому поводу с Мальшинским. Повидимому, главной уликой против «Вольного слова» было то, что Мальшинский написал в свое время книгу о революционном движении для «третьего отделения». Отрицать этого нельзя было, но Мальшинский представил объяснения, которые повидимому удовлетворили Драгоманова. Он писал Аксельроду 9 января 1882 г.

«...Меня занимает только вопрос, — каким образом петербуржцы могли поддаться сомнениям, ибо женевам не удивляюсь, да и не придаю никакого значения.

Так как петербуржцы в своем письме, из которого В. И. (Засулич) мне сделала выписку, были так любезны, что поручили предупредить меня,—то я просил сегодня В. И. передать им, что я, по размышлению зрелому, решил продолжать писать в «В. Сл.». Кроме того, я просил передать им, чтоб они обратили внимание с своей стороны на начинающееся земское движение и издали манифест вроде первого послания к царю с указанием на то, что вот, мол, не мы одни требуем земского собора, а и другие. В видах раздувания земского движения я и остаюсь в «В. Сл.», хотя лично желал бы перервать публицистику для других дел, мне очень интересных.

По-моему следует оставаться и Вам,—причем, по всегдашнему моему мнению, лучше бы Вам и подписываться. Это удобно даже на случай невозможного: если бы вышла какая-либо пакость,—Вы пред всеми чисты за свои писания. По крайней мере, я по совести не буду краснеть ни за что, написанное мною в «В. Сл.», даже, если бы паче чаяния оказалось, что (Мальшинский) сам Игнатъев; мне бы только было очень жалко его самого, а не себя.

Так вот мое мнение. Вы, конечно, в себе вольны,—но я считаю себя обязанным это мое мнение сообщить и Вам, так как принимал некоторое участие в Вашем знакомстве с М(альшинским).—Впрочем, думаю, что скоро увидимся и переговорим на словах.

В конце января Аксельрод приехал по приглашению Мальшинского из Цюриха в Женеву. 29 января Мальшинский устроил банкет для сотрудников и служащих «Вольного слова», было человек десять, и Мальшинский представил объяснения по поводу своей литературной работы при третьем отделении». У Аксельрода ничего не сохранилось в памяти об этом банкете. Во всяком случае Аксельрод твердо решил из «Вольного слова» не уходить, работу продолжать попрежнему и впредь под статьями своими подписываться. Так в ближайшем номере «В. Сл.» он и сделал и пояснил при этом, что не подписывался перед этим совсем не потому, что хотел по каким бы то ни было причинам скрыть свое участие. Это был своего рода демонстративный ответ на те слухи, которые поползли по эмиграции и на полемические выпады «Общего дела».

Группа чернопеределцев косилась, конечно, на участие Аксельрода в «Вольном слове», но открыто своего недовольства не выражала. Аксельрод считал даже возможным

привлечь Плеханова к работе и вел одно время с ним переговоры. Повод к этому дала статья И. Присецкого в № 10 «Вольного слова», 11 октября 1881 г. Появилась она в виде открытого письма в редакцию и представляла попытку прямой ревизии народовольчества. Присецкий призывал отказать от предрассудков в отношении к политической борьбе и конституции, отодвинуть социализм и пропаганду среди крестьян и рабочих на второй план и опереться на те общественные классы, которые наиболее заинтересованы в политической свободе, то-есть на радикальную интеллигенцию и либеральную буржуазию. Такая статья требовала ответа, и Мальшинский с готовностью предоставлял место для дискуссии. Аксельрод полагал, что всего лучше мог бы ответить Присецкому Плеханов. Переговоры затянулись, и в конце концов с значительным запозданием, в № 19 «Вольного слова», в декабре появилась пространная статья не Плеханова, а самого Аксельрода: «Все для народа и посредством народа».

Несколько позже, весной 1882 г., Плеханов писал Лаврову: «Получаете ли Вы «Вольное слово»? Здесь все считают его органом Игнатъева. Меня ужасно печалит сотрудничество там Павла (Аксельрода). Правы или не правы обвинители «Вольного слова», это другой вопрос, но раз публика относится к нему подозрительно, то на Павла падает некоторая тень. Здесь, в Кларане, все осуждают его. А написать ему я не решаюсь,—очень уже щекотливый вопрос. Да он и сам не маленький,—может и без моих указаний обойтись благополучно...»

Плеханов таким образом смотрел на участие Аксельрода в «Вольном слове», как на личное его дело. Работа Аксельрода в газете Мальшинского не мешала ему принимать одновременно участие и в литературных органах «Народной воли» и «Черного передела». Обстоятельства, однако, вскоре изменились, и друзья Аксельрода поставили перед ним альтернативу: «Черный передел» или «Вольное слово»? Аксельрод избрал, конечно, первое. Совпала эта перемена с переменой в характере самого «Вольного слова». Слухи о происхождении «Вольного слова» не приобрели большей определенности; определилась зато политическая физиономия «Вольного слова». Из органа никому неизвестного и сомнительного Мальшинского «Вольное слово» становилось органом всем хорошо известного Драгоманова. Не могло быть уж речи о том, чтобы «Вольное слово», по выражению

Лаврова, «прибрать некоторым образом к рукам» народовольцев или чернопеределцев. Оно оказалось — и весьма прочно — в руках Драгоманова.

В первоначальные планы графа П. П. Шувалова и Мальшинского не входило, повидимому, связывать «Вольное слово» с определенным каким-либо течением, с отдельной революционной организацией. Оставаясь газетой совершенно беспартийной, «Вольное слово» могло свободно искать связи во всех революционных организациях, и это давало бы Мальшинскому широкую осведомленность. Однако оставаться на совершенно беспартийном положении было совсем нелегко, и Мальшинскому пришлось эту позицию сдать.

Аксельрод с самого начала указывал в своих письмах к Мальшинскому на странную неопределенность «Вольного слова», которая заставляет даже сочувствующих держаться выжидательно в стороне. Чем больше внимания привлекало к себе «Вольное слово», тем сильнее интриговала таинственность стоящей за ним группы. Кто они — те люди, которые дают солидные денежные средства, снабжают газету материалами и распространяют ее в России? Конспирация не позволяла справляться об их именах, об их численности, о месте их деятельности. Но каковы же их политические и социальные взгляды, каковы средства и приемы их борьбы? Мальшинский отделялся общими фразами в переписке с Аксельродом, но в личных беседах с Драгомановым влиять и лгать было труднее. Драгоманов знал, что к «Вольному слову» причастны земцы и какие-то высокопоставленные имеющие связь при дворе лица, но тем более странно было, что эти земцы не имели организационного касательства и как будто не искали его с земскими деятелями и украинофилами на юге, которых Драгоманов знал очень хорошо.

С другой стороны, деятельное участие Драгоманова в «Вольном слове» само по себе придавало ему некоторую окраску. Мальшинский при всей своей бойкости был все же беспомощен. Вести политическую зарубежную газету ему было не по силам, и руководящая роль фактически переходила к Драгоманову. Он писал наиболее боевые статьи по вопросам принципиального, программного характера, — а это были в первую очередь вопросы о политической борьбе, о терроре, о конституции, земском движении, федерализме. Драгоманов, задачу свою видевший в борьбе с бунтарскими, террористическими и яacobинскими тенденциями русского на-

родничества, гнул свою линию, которая на деле была линией отхода от революции. У него были сторонники, — выступление Присецкого в этом смысле показательно. Подчеркивание элементов классово́й борьбы в статьях Аксельрода о рабочем движении было неприятно Драгоманову. Одна статья Аксельрода появилась с примечанием от редакции, и это вызвало переписку между Аксельродом и Мальшинским. «Вольное слово» теряло характер свободной трибуны, на которой все направления равны, кроме террористического. Драгоманов стоял за открытую и прямую борьбу с террористическими настроениями. Это и отвечало интересам фактического издателя «Вольного слова».

Между тем, как раз в это время в чернопеределческих кругах намечался поворот к примирению с народовольцами на почве признания терроризма. Только Плеханов сохранял непримиримость, но и он не высказывался в печати против террора. Даже Аксельрод колебался; разногласия с народовольцами не казались ему, как Плеханову, столь существенными. Из вопроса о терроре он во всяком случае не стал бы делать предмета разрыва. Кампания «Вольного слова» против террора, при участии в газете Аксельрода, должна была приводить поэтому чернопеределцев в немалое раздражение, да и сам Аксельрод начинал испытывать неудобство своего положения и подумывал об уходе. Напечатанная в № 34 (апрель 1882 г.) статья Драгоманова «Обаятельность энергии» с резкими выпадами против исполнительного комитета «Народной воли», с гневным обличением нравов политической эмиграции — была только последней каплей, переполнившей чашу. Чернопеределцы потребовали от Аксельрода немедленного и демонстративного ухода из «Вольного слова». Он не сразу ушел и некоторое время колебался. Но и уходя, от письма в редакцию отказался, и в № 37 появилась лишь краткая заметка о том, что обзоры рабочего движения перешли к другому лицу, а редакция выражает свою благодарность Аксельроду.

Уход Аксельрода ускорил естественное течение событий. «Вольное слово» должно было теперь определить свое политическое лицо. Дальнейшая игра в прятки в прежнем виде становилась невозможной и бесполезной: объединить все революционные партии не удалось. Мастер мистификации граф Шувалов придумал новую комбинацию, — да ему и думать много не приходилось. Переход «Вольного слова» под фактическое руководство Драгоманова, плененного идеей

земского оппозиционного движения, подсказывал форму новой провокации. В один прекрасный день Мальшинский открыл Драгоманову великую тайну: его неведомая группа есть «Общество земского союза и самоуправления». Эта группа имеет свои органы, программу, — составленную, возможно, если не при участии, то под влиянием самого же Драгоманова. Имена, конечно, оставались все еще неизвестны, и Драгоманов об именах и не расспрашивал. То, что ему сообщал Мальшинский, казалось вполне правдоподобным и само по себе не должно было вызывать сомнений. К тому же в России графу Шувалову удалось каким-то путем завязать сношения с В. А. Гольцевым, и деньги на поддержку «Вольного слова» шли через Гольцева. Это имя могло служить для Драгоманова абсолютной гарантией реальности «Земского союза» и он имел полное право скептически относиться к слухам о сомнительном происхождении «Вольного слова», покуда эти слухи не подтверждены сколько-нибудь определенными фактами.

«Земский союз» был чистой фикцией, прямым и беспримесным созданием графа Шувалова. В. Я. Богучарский, разоблачивший эту фикцию, был вполне прав. Но, создавая эту фикцию, граф Шувалов верил в реальность земского движения и преувеличивал, как это свойственно жандармам, его силы и размеры. «Священной дружине» казалось, что есть какой-то неуловимый, влиятельный земский центр, руководящий выступлениями земств, связанный и с революционным подпольем. Шувалов хотел овладеть этим центром, как хотел овладеть и вообще всеми нитями революции. «Вольное слово» должно было стать средством для проникновения в земскую либерально-оппозиционную среду. В связи с этим изменилась задача Мальшинского. Прежде сдержанный в своих отношениях к народолюбцам, он теперь требует жестокого и беспощадного похода против них, старается углубить раскол в революционном движении, натравить одну партию на другую. И возникает рядом с «Вольным словом» журнал «Правда» под редакцией агента «Св. дружины» Климова, как орган уже чисто террористический, имеющий целью завоевать доверие тех революционных кругов, которые порвали с «Вольным словом».

С № 37 «Вольное слово» стало выходить как орган «Земского союза». С этим совпало некоторое перемещение сил в редакции. Мальшинский отходит в сторону и берет на себя преимущественно конторско-издательскую и техниче-

ско-организационную часть Драгоманов является фактическим редактором. Правда, он советуется с Мальшинским, и на время отъезда Мальшинский заменяет его. Но по существу литературным хозяином газеты выступает Драгоманов. Он дает ей тон и направление. Новые сотрудники знают Мальшинского уже только как издателя. На Мальшинском лежит и переписка с Россией, и секрет этой переписки Мальшинский ревниво оберегает. Когда однажды в отсутствие Мальшинского Драгоманов вскрыл пакет с корреспонденцией Александровича из Петербурга, то Мальшинский в мягкой и учтивой форме, — однако весьма решительно, — дал понять, что впредь это не должно повторяться: «...По теории это воспрещается, — писал Мальшинский Драгоманову. — Теория тут такая, что в письме А-ча могут заключаться известия, касающиеся внутренней организации «Союза» и «меня лично». Этой, «внутренней организации» Мальшинский пред Драгомановым попрежнему не раскрывал. Но Драгоманов знал, что сношения Мальшинского с главарями «Земского союза» происходят не только письменным путем. Время от времени приезжали из России люди, с которыми Мальшинский устраивал таинственные свидания. Одним из приезжих — «антихристов» на условном языке Мальшинского и Драгоманова — был граф Шувалов. Весной 1882 г. Драгоманов совершил поездку в Париж, — отчасти по своим личным делам, а отчасти и для того, чтобы пригласить новых сотрудников.

Из Парижа он писал Мальшинскому:

«Многоуважаемый Аркадий Павлович,

Сейчас вернулся я из экскурсии в гнездо, где засела агитация великая», Кулик, т. е. Куликовский. Это место под Парижем: Val-de-Notre-Dame, где я провел вчера после обеда и почевал. Поездкой этой я весьма доволен, ибо столковался там с К-им, который пришлет статью, м. б., еще перед 15 мая, а во всяком случае к следующему за тем №, а потом будет писать из России, куда он едет (через юго-запад в Москву). Там же застал одного из Жебуневых, с которым и прежде был знаком и с которым теперь порядком столковался. Оба они вполне разделяют примечание от редакции к статье А-да в № 35 «В. Сл.» и обещают писать в таком роде. Жебунев почти 6 лет жил в Париже, где он стоял к рабочей агитации (он держал красильню, а

теперь имеет под Парижем огород). Там же нашел я еврея, б. одесского студента Рабиновича, из числа евреев наиболее нам интересных, т.-е. проповедующего необходимость «итти в народ еврейский». Он очень близко стоит к делу переселения евреев в Америку и рассказал мне несколько интересных фактов, которые я его попросил записать для меня пока наскоро как материал для заметки, — а после, когда я напишу статейку о еврейском вопросе и социалистах в России, он обещал от себя написать о том же систематично. Вообще жду пользы для газеты от всех трех упомянутых лиц, и главным образом потому, что все трое, каждый по-своему, стоят на местной реальной почве при достаточно широком общем взгляде.

Вот с Зибером беда! Писать-то он обещал, да так не-определенно. Первое — что он-таки боится (он вообще ужасно мнителен), боится скомпрометироваться перед правительством, а второе — он вообще ужасно субъективен, — никак не может войти сразу в положение, которое сложилось не под его глазами, а третье: теперь он как-то совсем расстроен нервами, так что все эти пороки дошли до максимума. Иногда я его не ругаю резко только из жалости, а иногда даже думаю писать его жене, чтобы она серьезно его взяла в руки да полечила. И эта неопределенность разглаголий З-ра тем более досадна, что, если б он взялся толком за работу при «В. Сл.», то это бы имело на него и полезное нравственное влияние в смысле прекращения той изолированности, в какой он живет столько времени и какая его самого тяготит. Ну, да человека не переделаешь! Некоторую работу все-таки от З-ра ожидать можно»...

Кулик «птица великая», о котором идет речь в письме, это известный впоследствии проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он жил с 1876 г. за границей, преимущественно в Париже, занимался научной работой, но был близок к революционным кругам, встречался часто с Лавровым, Лопатиным, Цакни и др. С Драгомановым Куликовский познакомился в 1876 г. в Цюрихе, но еще раньше, будучи студентом в Одессе и участником украинских кружков, считал себя драгомановцем. За границей Куликовский написал даже брошюру: «Записки южно-русского социалиста», которую Лавров разнес в журнале «Вперед», а Драгоманов взял под свою защиту в «Громаде». Овсяннико-Куликовский охотно согласился писать в «Вольном слове», но успел дать только одну

статью на тему о национальной и областной автономии. Срок его научной командировки в 1882 г. истекал, и он благополучно вернулся в Россию к профессорской деятельности и корреспонденций, вопреки обещанию, не писал.

Братья Жебуневы играли видную роль в народническом движении семидесятых годов. Было их трое — сыновья богатого помещика на юге России. Здесь речь идет о старшем, Николае Александровиче. В период «хождения в народ» он стал кузнецом в Конотопском уезде, — и был хорошим кузнецом. Братья его были арестованы, а ему удалось бежать. В Париже он с женой, — дочерью русской прачки, — открыл мастерскую под вывеской „Teinturerie Gébouneuff“ где-то на Монмартре. Помню, — писал о них Овсяннико-Куликовский, — как Зинаида, инициаторша и руководительница предприятия, бойко тараторила, стоя за прилавком, с клиентами и клиентками, а он в задней комнате лихо утюжил пиджаки и штаны». Мастерская вскоре прогорела, и когда Драгоманов приехал в Париж, супруги Жебуневы жили за городом и занимались огородничеством. В «Вольном слове» Жебунев сменил Аксельрода и писал регулярно, — вплоть до последнего номера. Корреспонденции и обзоры написаны бойко, размашисто, проглядывает симпатия к анархизму и синдикализму французского рабочего движения, но в общем отсутствует и серьезный социальный анализ, и определенная политическая идея, — то, что делало статьи Аксельрода, несмотря на их тяжелый язык, исключительным явлением в современной ему печати. Жебуневы в середине восьмидесятых годов получили возможность вернуться в Россию, здесь он устраивал какие-то промышленные предприятия, маслобойный завод, разорился и умер в нищете.

«Еврей Рабинович» — это известный впоследствии в русско-еврейской литературе публицист и беллетрист Марк Яковлевич Рабинович, писавший под псевдонимом Бен-Ами («сын моего народа»). Он был студентом в Одессе, пережил ужасы погромов 1881 г., участвовал в первых кружках самообороны и уехал за границу, чтобы организовать помощь пострадавшим и наладить массовое переселение в Америку. Рабинович был близок к социалистическим кружкам в Одессе, увлекался народничеством, — но все, и социализм, и революционность, смыло с него националистической болью, обидой, горечью от сочувствия части социалистов 80-х годов еврейским погромом как проявлению протестующей народной стихии. Приобретение Рабиновича для «Вольного слова» ни-

как нельзя было назвать удачей. Публицист он среднего таланта с склонностью к пафосу, крикливости. Он в страстном тоне обличал русских социалистов и писал о добродетели еврейских ремесленников. Этим внешне оправдывалось (в видах «объективности») появление в «Вольном слове» статей Божидаровича-Веселитского об антисемитском движении на Западе. Крикливый апологетический тон Рабиновича только мешал выяснению дела, и полемику свою он в конце концов прервал с убеждением, что Драгоманов такой же антисемит, как и другие.

Наиболее интересно в письме Драгоманова, конечно, то место, где речь идет о Зибере. Оно свидетельствует о том, что признаки недуга, от которого так рано сошел в могилу Зибера, проявились и были заметны постороннему уже в 1882 г. В другом письме к Мальшинскому Драгоманов прямо говорит: «А Зибера, по-моему, просто болен». Меланхолия Зиберы, действительно, все больше усиливалась. Для «Вольного слова» он работал охотно и написал ряд статей на экономические темы без подписи или инициалами П.С.А. В 1884 г. он в состоянии психического расстройства был перевезен в Ялту, где через 4 года скончался.

С Зибером Драгоманова связывала старая дружба. В 70-х годах оба они представляли в Киевском университете молодую оппозиционную профессию, против которой ополчились не только все старые вороны и совы местного ученого мира, но и петербургские власти. На квартире Драгоманова Зибера излагал — впервые в России — перед небольшим кружком молодежи основы экономического учения Маркса. А когда в 1875 г. Драгоманов был исключен за неблагонадежность из университета «по третьему пункту», Н.И. Зибера один из всех профессоров демонстративно бросил свою добровольную отставку в лицо Киевскому университету.

Драгоманов не обладал талантом редактора. Изданные им сборники «Громада» являются, кажется, непревзойденными в зарубежной литературе памятниками громоздкости, тяжеловесности, неуклюжести. Сам он писал хотя и остроумно и содержательно, но пространно, многословно, с частыми отступлениями и экскурсиями в сторону. Под редакцией Драгоманова «Вольное слово» становится солиднее, серьезнее, но скучнее.

Солиднее стала хроника политических событий в письмах и сообщениях. При Мальшинском попадались известия, которые давали «Общему делу» повод заподозрить «Воль-

ное слово» в излишне снисходительном отношении к министру внутренних дел. В новом «Вольном слове» этого нет. При этом о «священной дружине», и в частности о графе П.П. Шувалове, «Вольное слово» высказывается с достаточной, не дающей повода к кривотолкам определенностью. С этого времени кампания в эмигрантских кругах против «Вольного слова» как будто ослабевает, — надо оговориться: в серьезных кругах. Там «Вольное слово», определившее себя как орган земского движения, теряет значительную долю своего интереса. А с другой стороны, появляется ультра-террористический орган «Правда» с подозрительным редактором Климовым, и главная задача этой «Правды», повидимому, травля «Вольного слова». Приемы и характер этой травли заставляли все сколько-нибудь приличные круги эмиграции держаться от нее в стороне. Когда еще незадолго до этого вышла брошюра В. Черкезова «Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами», — она вызвала довольно решительное осуждение среди серьезной части эмиграции. Осенью 1882 г. состоялось даже небольшое собрание наиболее авторитетных представителей русской революционной колонии — специально по вопросу о «Вольном слове» и «Правде». Несмотря на то, что на собрании были непримиримые противники «Вольного слова», — среди них Плеханов, — собрание не решилось поддерживать обвинения против «Вольного слова» и никакого постановления о нем не приняло. А «Правду» решено было разоблачить и печатно отречься от всякой близости к ней. Любопытно, что предостерегал эмиграцию от «Правды» и указывал на весьма сомнительное происхождение Климова не кто иной как Драгоманов, — а от кого же мог получить Драгоманов сведения о Климове, как не от Мальшинского! Поистине — в дремучем лесу...

«Правда» по заданиям Шувалова грызла «Вольное слово» и распространяла полицейскую записку, обвинявшую Драгоманова в сношении с «священной дружиной». А Мальшинский, хотя и знал, конечно, происхождение этой записки, приписывал распространение ее народолюбцам и требовал от Драгоманова решительного похода против исполнительного комитета «Народной воли». Повидимому, в этом и был план Шувалова: заставить перегрызться все течения и фракции революционной партии, внести побольше смуты, отравить атмосферу. Но Драгоманов категорически отказался от травли народолюбцев. Летом 1882 г. распространился слух, будто исполнительный комитет готовит специальный

циркуляр против «Вольного слова». Мальшинский писал по этому поводу Драгоманову:

«Многоуважаемый Михаил Петрович! Из письма А-ча, к сожалению, не ясно, чьим именно органом исполнительный комитет объявляет «Вольное слово» в своем циркуляре. Если более обстоятельные сведения об этом имеются у женеvской эмиграции, то я был бы весьма признателен за сообщение мне этих сведений, так как г-дам исполнит. комитета я намерен отвечать (лично от своего имени) самым обстоятельным образом.»

Вместе с этим покорнейше прошу Вас теперь же уведомить как о существовании циркуляра, так и о моем намерении приглашенных Вами сотрудников на тот конец, чтобы они не были стеснены в возможности не принимать никакого участия в газете, которая, по мнению правительства всероссийской революции, срамит себя служением чьим-то и каким-то, но только не народно-общественным целям.

Ясность взаимных отношений между редактором и сотрудниками, по-моему, решительно необходима, тем более, что мой ответ будет резок и далеко не в пользу ни личного состава, ни целей, преследуемых тою шайкою жуликов и честолюбцев, которая именует себя исполнительным комитетом и около которой увиваются червонные валеты эмиграции в Женеве, Париже, Лондоне и пр.».

Драгоманов, по своему обыкновению, весьма спокойно отнесся к новым слухам о «Вольном слове». Он называл их «чепухой» и не собирался делать из них предлога для polemики с народолюбцами. Он отвечал на первое письмо Мальшинского так:

«Что касается до похода «народолюбцев», то надо еще выждать подробностей. Я Вам скажу, что я рад воевать с ними, но не для того, чтоб побить их наголову, а для того, чтоб или переделать их, или вызвать около них другие активные организации: вольнословские или украинские, — но если таких не будет, то пусть себе народолюбцы существуют со всеми их дуростями, ибо все-таки они (не разобрано) царя и К-о. А потому суть дела все-таки не так воевать с Н.В., как устраивать «своих».

Это письмо и само по себе должно было немало разочаровать Мальшинского, но вслед за ним последовало и второе письмо, которое и по содержанию и по тону своему должно было отбить у Мальшинского всякую охоту возобновлять кампанию против народолюбцев.

«Пока ничего о циркуляре Н.В. не слышно, — писал Драгоманов, — и из этого заключаю, что этого циркуляра может быть и нет. Наверно, это опять такой же слух, какой был пускаем около нового года.

Если же циркуляр будет, то по всей вероятности многие, если не все, сотрудники «В. Сл.» ответят. Я по крайней мере непременно, — но только я не считаю себя в праве, не имею оснований называть И.К. жуликами и червонными валетами и т. п., а только думаю, что он несколько зазнался и что его надо поставить на надлежащее место. Вообще главное в нашем положении не столько бороться с соседями (тем более ругаться), сколько устраивать свой лагерь и выводить его на бой с главным врагом. В частности же для нас теперь само главное — выяснить отношение «В. Сл.» к литературному предприятию, к «З. союзу», к политич. обществу, и установить отношения к другим подобным обществам. Как писал я Вам вчера, эти отношения самые странные теперь».

В «Вольном слове», действительно, резко политических статей против «Народной воли» не появлялось, а когда Мальшинский пожелал в конце концов выполнить свое намерение, то ему пришлось свою статью напечатать не в «Вольном слове», а отдельной брошюрой в виде открытого письма «Не знаю, к кому» (то-есть к анонимному исполнительному комитету).

Драгоманов таким образом, находясь несомненно «в дремучем лесу», держал себя с чрезвычайным достоинством и осторожностью. Сделать его слепым орудием в руках «св. дружины» не удавалось. Очевидно, в связи с этим возникал в дружине вопрос, стоит ли продолжать издание «Вольного Слова». Мальшинский явно потерял к нему интерес. В переписке с ним Драгоманов жалуется на то, что издатели охладели к журналу, деньги поступают неаккуратно, дальнейшее издание необеспечено, и «может быть «В. Сл.» умрет через три номера». Драгоманова удивляет такое отношение к изданию как раз тогда, когда идеи «земского союза» начинают иметь широкий успех. Он настаивает на том, что журнал надо непременно продолжать, даже расширить его, привлечь новые силы.

После колебаний решено было «Вольное слово» не прекращать. У Шувалова были и другие планы. Созданная им фикция — «Земский союз» начинал приносить некоторые реальные плоды. Возникал соблазн воспользоваться ими.

Различными путями «Вольное слово» проникало в Россию и расходилось там, как всякая нелегальная литература, довольно широко по рукам. У газеты была своя собственная экспедиция, которой одно время заведывал Павлик, а после работала в ней А. М. Эпштейн. Главным пунктом переправы был Эйдкунен, но транспорты, проходившие через этот пункт, вряд ли попадали к рядовым читателям. На границе сидел агент «св. дружины». Значительная часть тиража, повидимому, истреблялась здесь же или в Петербурге, отдельные экземпляры поступали в распоряжение «св. дружины» и распределялись с большим выбором.

Некоторое количество экземпляров проходило через австрийскую и румынскую границы, через украинские и народо-вольческие организации. На юге «Вольное слово» распространено было несравненно больше и шире, чем на севере. Издаться оно вызвало некоторое не очень значительное и вскоре прекратившееся «вольнословское» движение. Об этом свидетельствуют данные южной агентуры «св. дружины».

Правда, свидетельство это не из надежных. Называлась южная агентура на языке «св. дружины» «южно-русской инспекцией», и стоял во главе ее некто Воронович, бывший следователь в Звенигородском уезде, а затем видный и деятельный агент III отделения в Париже. В охранном мире за Вороновичем числились немалые заслуги. Ему удалось втереться в эмигрантские круги, где на него смотрели как на пустого, но доброго малого, охотно оказывающего революционерам услуги. Он был шафером на свадьбе у проф. Овсяннико-Куликовского, а когда Герману Лопатину понадобился для поездки в Россию легальный паспорт, Воронович любезно предоставил свой, после чего Лопатин и был арестован. В Киеве Воронович действовал под фамилией Савченко и Марченко, впоследствии перешел на службу в министерство внутренних дел, по уголовному делу попал в тюрьму и умер от прогрессивного паралича у себя в имении в Киевской губ.

В «св. дружину» Воронович посылал пространные и обстоятельные доклады. Несомненно, он привирал в них и по обыкновению всех агентов раздувал размеры движения. Но не подлежит сомнению, что в целом ряде городов возникли «вольнословские» кружки, были во всяком случае сочувствующие и содействующие. Можно допустить, что в некоторых случаях кружки возникали не без помощи самого Вороновича. Однако не было никакой нужды в Вороновичах,

чтобы создать в России организацию содействия «Вольному слову». Для этого была, во-первых, подготовленная почва, во-вторых — велик был на юге авторитет Драгоманова. Его имя действовало вернее и убедительнее, чем неопределенная программа «Земского союза». Для украинской молодежи Драгоманов оставался еще кумиром. Его называли «батькой» в студенческих «громадах» Киева, Одессы, Харькова. Он становился идейным вождем для радикальной земской интеллигенции, будировавшей потихоньку в полтавском и черниговском земствах. Воронович привирал, но не сплошь врал: «Вольное слово» доходило до самых глухих углов, и всюду, как и в эмиграции, будоражило публику. Часть — и притом более значительная, — видела в проповеди «Вольного слова» измену революции, трусость, даже прямое предательство. Но было и меньшинство, которое энергично поддерживало Драгоманова. В земских кругах на юге известие об образовании «Земского союза» не должно было вызвать особые сомнения. Идея этого союза носилась в воздухе.

С «вольнословским» движением у Драгоманова были и собственные связи. Являлись люди, которые предлагали свои услуги для организации кружков в России и распространения там литературы. Из этих людей двое заслуживают внимания: студент Степан Эрастов и киевский адвокат Владимир Волков.

Эрастов — украинец по происхождению, сын священника, был членом студенческих «громад» на юге, но в то же время был близок и к народо-вольческим кружкам. В 1881—82 гг. он учился в Петербургском университете и здесь вместе со студентом Литевским основал вольнословский кружок, находившийся в письменных сношениях с Драгомановым. Эрастов был человек энергичный, подвижной: к Драгоманову он питал безграничное уважение и за дело взялся с рвением. Летом 1882 г. он побывал в Женеве, познакомился с Мальшинским и затем совершил поездку по России, вербуя сторонников. «Св. дружина» об этом знала и даже отчасти была в курсе дел петербургского студенческого кружка. У Драгоманова не было оснований держать все это в тайне от Мальшинского, а Мальшинский регулярно осведомлял свое начальство о Драгоманове и о близких к Драгоманову людях. Мальшинский вообще поддерживал связи с заграничной агентурой «св. дружины» и даже сносился, — соблюдая крайнюю осторожность, — с тем самым Климовым, который в «Правде» изобличал его в продажности и в принадлежности к полиции.

Эрастов верил в существование «Земского союза» и, естественно, требовал установить с ним прямую связь в России. Это было ужасно неудобно для «св. дружины», которая хотела всячески проникнуть в революционные организации, но не хотела никого впускать в свои ряды. Когда Эрастов уезжал из Женевы, Драгоманов прямо предложил Малышинскому снабдить Эрастова надлежащими адресами и рекомендациями, чтобы Эрастов мог стать равноправным членом «Земского союза». Малышинский уклонился от этого и в письме к Драгоманову отделался общими фразами:

«Кстати об Эр-ве. Дайте ему, пожалуйста, общую инструкцию во время его поездки оттягивать на месте украинцев от революционного централизма. Да пусть сближается с нашими людьми, из которых кто-нибудь наверно поедет на юг теперь же».

Конечно, такого рода отписка мало удовлетворила Драгоманова и еще меньше Эрастова. А то, что писал Эрастов уже из России, приводило Драгоманова и совсем в недоумение. Эрастов жаловался на то, что «Земский союз» отказывается вступить с ним в прямые сношения и отсылает за инструкциями в Женеву, к Драгоманову и Малышинскому.

Поведение «Земского союза» казалось, повидимому, Эрастову весьма странным, и у молодого человека в связи с упорными слухами о причастности Судейкина к «Вольному слову» зародились сомнения. Это отразилось в его письме к Драгоманову. Малышинский отвечал в раздражении:

«Многоуважаемый Михаил Петрович! Только что получил Ваше письмо и при нем письма Волкова и Эрастова, последнее при сем возвращаю. Особенно благодарен за присылку последнего письма: оно многое выясняет. Прежде всего очевидно, что «Вольн. сл.» возбуждает всеобщее неудовольствие в той среде, в которой вращается Э-в, — неудовольствие совершенно такого же свойства, каким отличаются писания Черкезова, генеральской козы¹ и К^о, одним значит миром мазаны. Затем уже следует все остальное, т.-е. легенды о Судейкине и надпись жандармского управления (какого?) на пакете². Сам Э-в, после моего приезда в П-бг, имел полную возможность сблизиться с нашим людьми, если бы того искренно желал, т.-е. если бы

¹ «Генеральской козой» в переписке между Драгомановым и Малышинским именуется «Общее дело». — Д. З.

² Слух, циркулировавший среди эмиграции. В чем тут дело, — из писем не видно. — Д. З.

действительно сам не колебался и не слушал советов своих близких приятелей. Мне очень жаль, что этот молодой человек находился всецело под влиянием духа кружкового товарищества, и потому сам себя спутал по рукам и ногам по отношению к представителям в П-бге «Земского союза». Последние немладенцы и, очевидно, весьма скоро поняли, в чем дело. При таких условиях, очевидно, не могло завязаться отношений, основанных на взаимном доверии, тем более, что «Союз» по мере возможности исполнил поручение Э-ва, последний же по обстоятельствам, изложенным в письме к Вам, не исполнил своего обещания прислать в «Вольн. сл.» корреспонденции. Он сам предложил мне это, а теперь, как видите, находит исполнение этого предложения зазорным для своей компании. Стало быть, он слишком скор на предложения и неустойчив в своих мнениях. Таким образом и самой ничтожной услуги он не мог или не хотел оказать «Союзу» или даже просто мне лично как редактору «Вольн. слова», хотя, как видно, я лично ему и не противен. Что касается до распространения им «Вольн. слова», то на то было его собственное желание, а не оказание «Союзу» услуги за услугу. Мне тем прискорбнее неудача отношений с Э-вым, что Э-в, украинец, а в «Вольн. слове» частный интерес Украины поставлен выше общерусских интересов и лишь благодаря Вам и мне можно было выдвинуть нашу родину на первый план в таком всероссийском учреждении, как «Земский союз». Если между нами могут становиться личности, подобные Судейкину, и отталкивать друг от друга людей, преданных общему делу (очевидно, что вся легенда о Судейкине выдумана самим же Судейкиным, да им же или по его наущению по всей вероятности и сделана надпись на пакете, если еще такая надпись не миф, опять же измышленный Судейкиным), то нам разговаривать больше не о чем. Удивительно только, что Э-в сам себе не представляет фальши своего положения при таких условиях и находит возможным в сношениях с «Союзом» начинать прямо со второго шага, не сделав первого, — т.-е. не отрешившись от узких кружковых предилекций и боязни того, что скажет, боже мой, княгиня Мария Алексеевна.

Пусть проездится на родину, освежится действительною жизнью, попробует сблизиться с тамошними людьми, не задаваясь никакими кружковыми целями; присмотрится, поучится — и тогда, быть может, перед его глазами рассеется

кажущийся ему теперь «туман» программы «Земского союза». Возвратившись же в Петербург с запасом фактов действительной жизни, ему будет на чем сойтись с членами «Союза». Покуда же еще рано, по-моему. Жму Вашу руку. А. Мальшинский.

Письмо это поражает своей развязностью и наглостью. Но именно эта самоуверенность и сбивала Драгоманова с толку. Он во всяком случае поверил Мальшинскому, который таким образом ловко отбил первую попытку, хотя бы и ненамеренную, разоблачить тайну «Земского союза». Ясно становилось, однако, что авантюра Шувалова заходит слишком далеко. Привлекая к себе внимание, вызвав вокруг себя некоторое движение, «Земский союз» не может долго оставаться простой фикцией. За Эрастовым последуют и другие¹.

Так оно и было. За Эрастовым этим же путем пришел к «Земскому союзу», то-есть фактически к «священной дружине», Владимир Волков.

Волкову по делам киевских сахарных заводов приходилось бывать в Париже. В одну из таких поездок в январе 1882 г. он познакомился с «Вольным словом», заинтересовался им и написал Драгоманову о желании поставить в России широкое распространение газеты. Затем в Москве Волков вел переговоры с Ланиным, издателем либеральной газеты «Курьер» и владельцем популярного на всю Россию заведения шипучих напитков. В переговорах участвовали и другие общественные деятели. Имена их нам неизвестны, но повидимому в курсе дела был и В. Гольцев. Москвичи отнеслись к предложению Волкова сочувственно. Был намечен план снабжения «Вольного слова» финансовыми средствами и литературными материалами. Волков об этом сообщил Драгоманову, а Драгоманов — Мальшинскому. «Св. дружина» со своей стороны такому успеху чрезвычайно обрадовалась и

¹ Дальнейшая судьба Эрастова была такова. В 1883 г. за принадлежность к тайному революционному сообществу «Громада» и за сношения с эмигрантами он был выслан в Зап. Сибирь на три года под надзор полиции. Отбыв срок ссылки, он переехал в Ростов, под предлогом занятий мелким комиссионерством, — по выражению полицейского дознания. В 1894 г. возникло в Ростове дело „о пропаганде среди рабочих“, и среди привлеченных и арестованных оказался Эрастов. Жандармы отводили ему второстепенную роль в соц.-демокр. пропаганде. Он будто бы доставал среди интеллигенции финансовые средства для организации. Ему было запрещено проживать в крупных центрах и три года он был под надзором полиции.—Истор. револ. сборник под ред. В. Невского. II, стр. 225.

всячески поощряла дальнейшие сношения с Ланиным, надеясь, очевидно, таким путем проникнуть в самый центр земской оппозиции. В июне Волков лично побывал в Желтце у Драгоманова, и они по пунктам вырабатывали проект соглашения с земцами. Предполагалось, между прочим, объединить земцев ложных и северных и созвать предварительно украинский съезд. Все это брал на себя «Земский союз».

Однако дело сорвалось. Волков уехал в Россию и оттуда прислал письмо Драгоманову (от 22 июля 1882 г.). Он повторяет, что первые его попытки «по привлечению московской либеральной партии к участию... были встречены сочувственно», — но

«недолго однако продолжались наши надежды и вскоре они разрушились перед такими препятствиями, которых я менее всего мог ожидать... Дело вот в чем: Л(анин), к которому я обратился прежде других, как уже заявившему и в своей партии и при других случаях свое крайнее либеральное направление, по прочтении и ознакомлении с «В. С.» заметил мне прежде всего его видимый недостаток (тот же самый, о котором я с вами говорил) — это бедность содержания и малоинтересности его для большинства публики, нуждающейся не в теоретическом обсуждении экономических и социальных вопросов, но в живом слове пропаганды, в общедоступной форме изложения. Это, как я уже заметил вам, недостаток, который происходит от бедности вашей в сотрудниках и легко исправимый! Но за этим первым замечанием выступили и другие, более серьезные... Два серьезных аргумента выставляют московские либералы против «В. С.», а именно: 1) неопределенность его программы и 2) полное недоверие к личности редактора, который, как оказывается, не только в этом кружке, но и в других фракциях наших революционеров пользуется самой ненадежной репутацией... Я верю в Вас, М. П., но допускаю, что и Вы могли быть введены в заблуждение. Кроме этого за редакцией стоит также какой-то «Земский союз», о котором никто в России понятия не имеет. Что за общество, какая его цель? Если оно действительно существует, почему не показывает себя? Нельзя же приписывать это одной только осторожности? Все это, скажу Вам откровенно, ужасно меня смущает».

И дальше Волков уговаривает Драгоманова бросить «Вольное слово» или дать ему погибнуть и основать с помощью московских либералов новый журнал. «Все эти от-

кровенно высказываемые мысли, — заканчивал свое письмо Волков, — прошу Вас, М. П., сохранить в величайшей тайне!.. При свидании расскажу все то, чего здесь не досказываю».

В каком заблуждении находился Драгоманов, видно из того, что он письма Волкова немедленно, в подлиннике переслал Мальшинскому. А Волкова уговаривает не бросать дела и искать связей с «Земским союзом». И в архиве «св. дружины» сохранилось письмо, которое Волков адресовал уже непосредственно руководителям еще недавно загадочного для него сообщества.

Перед «св. дружиной» встал серьезный вопрос. Дальнейшие шаги ее тормозились из-за недоверия к Мальшинскому и «Земскому союзу». Шувалов, который был летом 1882 г. за границей, но знал о переговорах в Москве между Волковым и земцами и очень интересовался этими переговорами, писал в Петербург, что Мальшинский служит теперь помехой делу и надо бы его заменить другим лицом. Повидимому, этот вопрос был предreshен, и Мальшинский не случайно отошел в сторону от редакционных дел.

Сложнее был вопрос о «Земском союзе». Прятать его дальше не было возможности. И Шувалов возбуждает в «св. дружине» вопрос о превращении «Земского союза» из фикции в реальность, то-есть о провокации чистейшего рода. Доклад Шувалова по этому вопросу заканчивается таким любопытным предложением:

«В заключение долгом считаю доложить Ц. К., что по всем признакам различные личности, верящие в существование («Земского союза»), исключительно через посредство редакции «Вольное слово» или же помощью петербургской и московской «станции», пожелают сойтись с более серьезными членами этого фиктивного сообщества. В продолжение некоторого времени можно будет, конечно, отклонить такого рода предложение. Но со временем придется показать им нечто вроде названного «Союза». Составить такого рода «Союз» из агентов едва ли возможно, так как, во-первых, пришлось бы в таком случае перезнакомить агентов между собой, а во-вторых, установленная фикция изображает членов «Союза» в виде состоятельных и либеральных землевладельцев, интересующихся земским делом, что несколько не подходит под тип наших агентов. По моему мнению, всего желательнее было бы изобразить «Земский союз» небольшим кружком братьев С.-Д., перемешанных с

двумя, тремя настоящими либералами (вроде Лихачева, Рагозина и Скалона) и т. д.

Покорнейше прошу Ц. К. не отказать мне в точной инструкции по сему предмету».

Решение центрального комитета «св. дружины» по этому вопросу нам неизвестно. Провокация, затеянная графом Шуваловым, возможно, получила бы и дальнейшее развитие. Но противники «св. дружины» в придворных и правительственных кругах уже вели энергичную кампанию против нее, и в частности против Шувалова, обвиняя его в конституционных замыслах, в тайном союзе с революционерами. А вскоре «св. дружина» рухнула, увлекая за собой Шувалова, «Земский союз», агентуру и еще другие провокаторско-фантастические предприятия.

В конце 1882 г. «св. дружина» ликвидировала свою организацию и свои дела. «Правда» вместе с редактором Климовым перешла к министерству внутренних дел.

А «Вольное слово»? У нас нет никаких данных для ответа на этот вопрос. Мальшинский оставался в Женеве до лета 1883 г. и своих сношений с «Вольным словом» не прерывал. Но с 1 января 1883 г. Драгоманов стал официальным редактором газеты, о чем была статья в № 52. Программа, состав сотрудников, тон и характер газеты не изменились, и она по-прежнему выходила как орган «Земского союза», в существование которого Драгоманов продолжал непоколебимо верить. Деньги из России Драгоманов стал получать на свое собственное имя, и состоялось даже у него личное свидание с одним приехавшим из России «антихристом», — по-видимому, графом Шуваловым.

«Вольное слово» выходило регулярно два раза в месяц, но в пересылке денег из России начались серьезные перебои. Под изданием явно заколебалась почва. Но Драгоманов смотрел на газету как на свое дело, относился к нему с увлечением и боролся за нее как журналист. Он доставал деньги у своих знакомых, входил в долги. Он считал необходимым дотянуть дело во всяком случае до коронации, с которой он, как и многие, связывал какие-то надежды.

В конце мая вышел последний двойной (61—62) номер «Вольного слова». В заметке от редакции было сказано: «Номер запоздал выходом как по причине скопления трудно делимых материалов, так и потому, что редакция ожидала получения важных для нее сообщений из России. Ожидание это, по неизвестным причинам, пока не оправдалось. Поэтому

выпуск следующего номера откладывается на неопределенное время».

Драгоманов не терял надежды на то, что «Вольное слово» возобновится. В июне 1883 г. уезжал в Россию Мальшинский. Драгоманов давал ему поручения в разные города, и из этого видно, что доверие к Мальшинскому несколько не было поколеблено, и этот господин был в курсе сношений Драгоманова с Россией.

Мальшинский уехал с обещанием немедленно прислать письмо и деньги, и для Драгоманова потянулась полоса томительного ожидания. Вторая половина 1883 г. и ближайшие за ним годы были самым тяжелым и болезненным периодом и его жизни. После закрытия «Вольного слова» он остался без работы, без средств к существованию, в полном одиночестве. Его письма отражают и крайнюю материальную нужду и чувства разочарования и горечи. И все же он верил, что «Земский союз» существует, хотя и замер на время и что его можно оживить. Он писал Мальшинскому в Петербург иносказательные письма, подписываясь условным именем К. Василенко.

Еще в 1884 г. Драгоманов тщетно взывает к Мальшинскому, прося выслать деньги для расплаты по долгам «Вольного слова». Департамент полиции сначала не обрывал связей, рассчитывая, повидимому, продолжить провокацию, начатую «св. дружиной».

«Еще раз прошу,— писал Драгоманов,— помогите окончить так или иначе мое денежное дело. Вы не поверите, в какое положение поставили меня постоянно возбуждаемые и неосуществимые надежды с разных сторон. Подумаешь, что кто-то просто смеется надо мной. Только за что? За работу?».

Эти письма, адресованные Мальшинскому и графу Шувалову, попадали в департамент полиции. Над Драгомановым, действительно, издевались. Миллионер граф Шувалов и другие миллионеры из «св. дружины» совсем не расположены были тратить свои деньги на покрытие долгов, сделанных для «св. дружины» наивным профессором в Женеве. Мальшинский, впрочем, продолжал по этому поводу сноситься с министром двора, бывшим «набольшим» «св. дружины» гр. Воронцовым-Дашковым. Но речь шла не только о деньгах. В декабре 1883 г. Н. Шмит, бывший начальник «третьего отделения», а затем глава секретного розыска в «св. дружине», писал Мальшинскому:

«Милостивый Государь Аркадий Павлович,— позвольте мне сообщить Вам, что сейчас известили меня, что перевод денег не может быть сделан ранее 2—4 дней вследствие весьма простых денежных соображений.

Вчера же граф Воронцов-Дашков извещен мною о смысле телеграммы Д-ва. Если бы Вы вновь получили от него же подтверждение или нечто, имеющее какое-либо отношение к тому вопросу, который вы усматриваете в телеграмме, полученной 15 числа, и если Вы не будете предполагать дать этому сообщению какое-нибудь определенное назначение, то не откажите сообщить мне для немедленной передачи гр. Воронцову».

Что за телеграмма, которую Драгоманов посылал Мальшинскому в конце 1883 г., через год слишком после ликвидации «св. дружины», были ли посланы деньги, было ли дано «назначение» какому-то «сообщению» — ничего нам об этом неизвестно, и на этом обрываются все материалы о «Вольном слове» и об отношениях Драгоманова к деятелям «св. дружины». Ничего мы не находим и в позднейших воспоминаниях Драгоманова об этом печальном периоде в его жизни и деятельности.

3. Редактор Климов.

Как и почему исправник Климов оказался в конце 1881 г. в Париже в роли агента «св. дружины», неизвестно, и вопрос этот никакого интереса не представляет. Его информация, как и вообще информация заграничной агентуры «священной дружины», яйца выеденного не стоила, — не говоря уже о том, что не стоила тех огромных сумм, которые на нее затрачивались. Чуть не ежедневно агенты строчили в Петербург донесения, а в Петербурге делали каждую неделю сводку, которая вверх по инстанциям доходила до самого царя. И все это был настоящий вздор, ворох эмигрантских перевернутых сплетен.

В ноябре 1881 г. парижская агентура, к примеру, сообщила факт поразительный: «Недавно Лавров вышел в цилиндре, этого с ним никогда не бывало, а Виноградов сбрил бороду. Известно, что внешнее благообразие не составляет отличительной черты эмиграции». Лавров в цилиндре — что бы это значило?

Климов считался агентом для особо важных исследований. Такое мнение составилось о нем после того, как ему

удалось познакомиться с самим Кропоткиным. Донес об этом важном событии Климов подробно, с увлечением, даже с некоторым вдохновением. С Кропоткиным он, оказывается, не только познакомился, но даже подружился. Кропоткин — мужчина представительный, с черной бородой, вид у него надменный, и революционеры его очень боятся. Он и с Климовым сначала держал себя свысока и начал было допрашивать, кто, да откуда, да какой фракции. А Климов взял и отрезал: «Я двенадцать лет не был у священника, — почему я должен пред вами исповедываться?». Такой гордый ответ поразил Кропоткина, и он пожал руку Климова и предложил ему свою дружбу, а потом даже полюбил его...

Так легал вдохновенно Климов, и никого из лоботрясов не удивила эта лакейски-полицейская фантазия. Все поверили ему вполне и безусловно. Один лишь профессионал-сыщик генерал Смельский отнесся к рассказу скептически, да и то только про себя, в своем дневнике. Ну, полюбил Кропоткин Климова. «Что же из этого для правительства? Какая в этом польза? А между тем командировка Климова стоит больших денег, и, приехав оттуда, Климов только и сообщил, что подружился с Кропоткиным и что Кропоткин сильно негодует на правительство».

Чего, однако, не подозревал и старый опытный сыщик, так это того, что все событие было не более как подлинный водевиль с переодеванием. Никогда Климов Кропоткина не видал и никогда с ним не беседовал. Желая посмеяться над подозрительным и глуповатым человеком, усиленно втиравшимся в эмигрантскую среду, ему устроили свидание с мнимым Кропоткиным. Настоящий Кропоткин ничего об этом не знал и только недоумевал впоследствии, почему полиция в циркулярах о розыске наделяет его «черной бородой».

Таков был дебют Климова, доставивший ему в «св. дружине» репутацию ловкого и находчивого агента, которому очень легко проникнуть в революционную среду. В конце 1881 г. с позором и треском провалилась парижская агентура «св. дружины» во главе с шпионом Франком. Французская печать разоблачила его, но приняла за агента русской полиции. Климов был тоже слегка скомпрометирован, потому что знакомство его с Франком было известно. Но в опубликованном списке его имени не было, и за границей тоже в это время его не было. Он нес тогда охранную службу в Гатчине, где жил Александр III. Его вызвали оттуда и

командировали в Женеву для наблюдения за революционной эмиграцией. Предполагалось, что Климов и его жена откроют кухмистерскую, будут кормить эмигрантов дешевыми обедами и таким манером наблюдать и улавливать. Почетная супружеская пара закупила посуду, наметила помещение, но для открытия действий не хватило денег. Климов писал князю Щербатову, просил, умолял, даже угрожал, но долго не получал ответа. «Беспокойство мое, — писал он между прочим, — граничит с упадком духа, а, находясь в таком состоянии, человек никуда не годится. Должен еще прибавить, что у меня есть чувство чести и честности — и я не способен поэтому лукавить».

Без денег и занятий проникнуть в эмигрантскую среду не удавалось. Тем не менее Климову удалось донести, что живут в Женеве подозрительные люди: приехала недавно какая-то Софья Бырдина и есть еще революционер «Ебедиям»... Щербатов, наконец откликнулся и довольно сердито: Бырдина это Бардина, и о приезде ее в Женеву уже давным-давно известно в Петербурге. А «Ебедиям» это Ельпидин, известный всей Женеве, один из редакторов «Общего дела». Тут же давалось задание: скомпрометировать «Общее дело» слухами, будто оно находится в связи с полицией. «Остерегайтесь нигилистиче-ской полиции, — наставлял Щербатов, — весьма изрядно организованной. Берегитесь Черкезова, стоящего во главе этой полиции»...

Денег прислали, но мало. Климов исправно посещал кафе Грессо, где собиралась русская эмиграция, заводил случайные знакомства, познакомился, наконец, и с Ельпидиным, но решительно ничего путного не мог сообщить своему начальству, кроме как об амурных похождениях некоторых совсем неинтересных эмигрантов. Постепенно однако удалось ему кое с кем сблизиться.

Варлам Черкезов написал совершенно неприличную по тону и по содержанию брошюру «Драгоманов из Гадяча». Было это в то время, когда Драгоманов принимал деятельное участие в журнале «Вольное слово». Климов в беседе с Ельпидиным отозвался о брошюре восторженно, а Ельпидин на это сказал:

«Хвалить-то все вы хвалите, а платить в типографию за брошюру нечем!» И Климов тут же отвалил Ельпидину для Черкезова 50 фр., не подозревая тогда, какую услугу окажут ему эти деньги. Он и вообще предлагал Ельпидину суммы для организации библиотеки, на издание брошюр,

чтобы таким путем завоевать доверие. Но в Петербурге к расходованию денег отнеслись прохладно: знали, повидимому, Климова...

Надо было в эмиграционной среде себя чем-либо зарекомендовать; без этого никуда не пускали, — и даже в кухмистерскую никто не пришел бы. Климов решил издать революционную брошюру и засел для этого за перевод какой-то французской книжки о системе военных вооружений в Европе. Но в русской грамоте бывший исправник был слаб, — и это оказало ему услугу. За небольшое вознаграждение Черкезов согласился просматривать и исправлять перевод. С величайшим торжеством сообщил Климов в Петербург, что начало сделано и связи завязаны. Ему удалось проникнуть в революционную среду. 18 мая он писал: «Вчера был в компании Ельпидина, Черкезова, Жеманова и Козака (Лехоцкий, кажется). Толки были о смоленском дворянстве по поводу предложения государю охраны, об ирландских делах и, наконец, о коронации. Жеманов выразился: «Неужели поросенку удастся короноваться?» На что Черкезов ответил: «Все равно, убьют ли мазаного или немазаного тромбониста, а своего не минет. Все дело в том, чтобы во время коронации было больше скандалов»...

Как ни занимательно было это письмо, оно очевидно не удовлетворило даже лоботрясов богатством информации, и в следующем письме Климов обиженно оправдывается. Он ведь предупреждал, что войти в доверие революционеров не так легко, особенно после провала и ошибок, наделанных Франком, да если еще из Петербурга не посылают денег. Черкезов и то в беседе с Климовым как-то выразился: «Мы не решили до сих пор, кто вы — социалист или ловкий агент».

Надо было доказать, что социалист. К своей переводной брошюре, бичующей европейский милитаризм, Климов добавил выдержки из статей Прудона. Начальству он писал: «Печатать буду 200 экземпляров, часть пушу в продажу, часть уничтожу, сказав, что отправил в Россию. Да будет мне прощено за все то, что написано против моих убеждений; но иначе нельзя: я должен стать в их группу и для этого употребить иезуитский прием — цель оправдывает средства». В Петербурге ему охотно этот грех отпустили, а сам флигель-конституционалист гр. Шувалов писал ему условные конспиративные письма, которые Климов как бы невзначай показывал Черкезову и Ельпидину: из писем выходило, что друзья Климова в России затевают террористическое пред-

приятие и зовут к себе. Климову удалось добиться разрешения посещать эмигрантскую библиотеку, — для обыкновенного филера это был немалый успех. Но в Петербурге от Климова ожидали сенсационных разоблачений, требовали, чтобы он давал сведения о важнейших народовольцах, а он видел вокруг себя только мелкую эмигрантскую рыбешку и передавал только сплетни. Пробовал он выполнить поручение и скомпрометировать ложными слухами «Общее дело». Сначала как будто клюнуло, и 22 мая Климов доносил не без торжества:

«Пущенный слух, что Ельпидин агент русского правительства... (пошел) в ход; с неделю назад я косвенно рассказал свое сомнение французам. Сегодня вечером у меня был Рапацкий и уже сообщил мне, что есть подозрение, что Ельпидин шпион. Рапацкий, один из жандармов-вещателей, отличается тремя качествами: глупостью, силой и избиванием наших агентов, за что уже не раз сидел в арестантской. Для него достаточно указаний на кого-либо с прибавлением: «а это шпек», и он тотчас бьет. Благодаря его силе все его бояться, и он, пользуясь этим, болтает все, что слышит. Сегодня я окольными путями высказался, что я не верю в то, что Ельпидин шпион и что «Общее дело» издается на счет Игнатьева. Рапацкий, понятно, со мной не согласился и завтра всем будет рассказывать, что он имеет на это данные».

С замиранием сердца ожидал Климов, что Рапацкий вот-вот исколотит Ельпидина и доставит этим величайший триумф русскому правительству. Но прошла неделя, и Рапацкий никого не бил, а слухи об Ельпидине заглохли. Вместо этого поползли слухи о Климове, и случайно он узнал, что о нем наводят справки в России. В то же время «Общее дело» напечатало в № 48 довольно подробные сведения о подпольной деятельности «священной дружины». Воспетые Климовым таланты Рапацкого предстали теперь в другом свете, и неудачливый клеветник заметался в страхе. Он просил Щербатова состряпать такой секретный циркуляр, будто его, Климова, разыскивает полиция; просил нигде не называть его имени и не показывать никому его писем. В Петербурге начинали, повидимому, терять терпение. Охлаждение к Климову выразилось прежде всего в том, что ему перестали в срок высылать деньги. Климов писал, просил, напоминал, — и приходил, наконец, в отчаяние. «Теперь я потихоньку вхожу в круг, — писал он, — при мне начинают говорить такие (вещи), которые только мыслимы при доверии. Черкезов рассказал

о моей работе, и на меня смотрят главари как на своего. И как раз в это время я должен от них сторониться за неимением возможности не только купить кружку пива, но даже обед. Все, что имел с собою—брошки, серьги, кольца, часы, как свои, так и женины, заложено. Показать перед нашими свое безденежье не могу, чтобы не сгубить всего. Я им сказал, что живу из процентов своего капитала. Сказать, что мне присылает брат, нелегко, так как не поверят и прямо скажут, что получаю от правительства. Продолжение такого существования нелегко, и я прошу или высылать содержание или отозвать меня в Россию. Здесь я потерянный, без денег, без документов и без возможности заработать. Сегодня месяц и двадцать дней, как не плачу ни в булочной, ни в лавках. Везде кредит закрыт. Я в отчаянии. Не имей семьи, продал бы что можно и бежал домой. Клянусь, что вы не можете и половины представить моего отчаяния. Во имя человечества прошу спасения»...

Неизвестно, что тронуло больше чувствительные сердца сиятельных лоботрясов,—воплé шпионского отчаяния или шпионская вера в человечество. Но внезапно, словно в феерии, события приняли совсем другой оборот, и необходимость в «человечестве» устранилась. Помогли те 50 фр., которые месяца полтора назад Климов дал Ельпидину для Черкезова; выяснилось случайно, что Ельпидин этих денег Черкезову не передал и ничего о них ему не сказал. Вышло, что Ельпидин эти деньги утаил, а когда история всплыла наружу, то Ельпидин сказал, что Климов врет. А Климов предъявил расписку Ельпидина,—и пошло... Скандал получился громкий. Эмигрантский муравейник зашевелился—и закипели собрания, кружки, сходки. И в центре был Климов,—благородный и обманутый герой.

Захлебываясь от восторга он писал 1 июня: «Вчера было собрание у Грессо. Мнения разделились, — одни требуют, чтобы я подал жалобу в полицию за мошенничество; другие признают нужным третейский суд. От первого и я и Черкезов отказываемся, мотивируя отказ тем скандалом, который неминуемо падет на социалистов, где Ельпидин считался вожаком; на третейский суд мы оба согласны. Сегодня телеграммой вызван Соколов из Кларана. Ельпидину никто не кланяется, все эмигранты, его подписчики, отказались от его библиотеки и забрали залогов. Он ходит как убитый. Завтра, т.-е. в субботу, должен быть суд». Приговор суда неизвестен, но после суда Климов писал все в том же упоении

своим успехом: «Сегодня совершилось полное падение Ельпидина. Он отказался подчиниться третейскому суду. Черкезов сделал на расписке его следующую надпись: «Душевно сожалею, что г. Ельпидин именем моим занимает деньги, тогда как я его на то не уполномочивал. При чем свидетельствую, что деньги от Ельпидина, врученные ему m-me Климовой для передачи мне, не получал. В. Черкезов. 2 июня 1882 г.». Вся эмиграция до крайности возмущена. Все вслух называют его вором. Отказ от третейского суда породил какое-то подозрение. Отречение мое преследовать его судебным порядком из нежелания компрометировать эмиграцию и русских социалистов имело свое действие. Я стал в глазах социалистов высоко. Все высказываются в пользу мою, не исключая его друзей... Ручаюсь, что добью Ельпидина, а с ним вместе подорву доверие к «Общему делу».

Успех кружил Климову голову. Бывший исправник не лишен был полета фантазии и уже на следующий день писал:

«Мои дела идут очень и очень хорошо. Говорю это не хвалясь. Признаю нужным издание под моей редакцией социальной газеты. На нее потребуется 500 фр. в месяц, т.-е. 200 руб. Прошу обсудить это предложение. Газета должна быть самого острого содержания. Выходом ее я убью «Общее дело» и сам стану во главе террористов. Когда достигну желанного, то попрошу, чтобы было влияние на федеральное правительство о запрещении мне издания под угрозой изгнания из Швейцарии. Достигнуть это можно не более как в 4 месяца. Уверен, что иду по прямой дороге. Сотрудники будут самые рьяные»...

И в следующих письмах Климов торопит «священную дружину» с решением вопроса, уговаривает ее не терять времени, прислать деньги и организовать доставку из Петербурга «красного материала». Но в Петербурге сначала колебались. Предложение Климова, правда, соблазняло, некоторые члены «св. дружины» увлекались не меньше, чем он, но другие были более благоразумны и видимо сомневались в том, чтобы из бывшего исправника вышел новый Герцен. Кроме того в Женеве выходила уже одна газета «священной дружины», «Вольное слово». Граф Шувалов стоял за то, чтобы новой газетой под редакцией Климова не начинать, а предложить Климову купить «Общее дело» или войти соучастником в ее издание. Однако, оппозиция Шувалова была слаба, и кроме того он уехал в Мариенбад

лечиться, а князь Щербатов дал и благословение свое и деньги на газету Климова.

Лето ушло на подготовку. Климов, не полагаясь на свою грамотность, думал сначала пригласить редактором Черкезова, но потом решил с этим выждать. Черкезов был приглашен в качестве хотя и негласного, но главного сотрудника. Газете дано было громкое имя «Правда». Эмигрантская публика присматривалась с недоумением, но в 1882 г. состав эмиграции был пестрый и сколько угодно водилось вольно-практикующих, ни к какой партии не приписанных революционеров, которых и вся-то революционность выражалась больше в том, что они шумели по кофейням и писали иногда клокочущие противоправительственные, а в сущности политически-безвредные памфлеты. Славился между ними ныне прочно забытый и никому неизвестный, а в свое время популярный публицист Алисов, — бывший русский барин, пытавшийся с негодными средствами изображать русского Рошфора. Был еще некто Сидорацкий — вздорный и полусумасшедший графоман, ставший впоследствии и окончательно сумасшедшим. Определенных подозрений против Климова не было; он не хуже был, пожалуй, чем некоторые иные... Все же люди приличные от него сторонились, а кто и указывал содействие, нуждаясь в деньгах, скрывал это.

8 августа 1882 г. вышел, наконец, первый номер «Правды». Вопреки всяким ожиданиям синица моря не зажгла. Дебют оказался пустым и бесцветным. Неудивительно: сам Климов ничего путного написать не мог и осторожно назвал свою газету органом чисто информационным. Статей в первом номере нет, а хроника заимствована большей частью из иностранных газет. Есть сведения и от «собственных корреспондентов» из России, но цена им ровно грош. Таким путем в террористические круги, куда стремился Климов, попасть было трудно, и поэтому вся газета изукрашена архиреволюционными и кровожадными выпадами против царя.

В «Правде» Александр III именовался не иначе как «коронованный тромбонист», и Климов запрашивал на потеху публике: «Говорят, что Александр III последнее время особенно занят разучением на тромбоне похоронного марша. Уж не инстинктивное ли это предчувствие?» «Царь-Митрофанушка», «Немазанный истукан», — так называли в «Правде» царя и рассказывали о том, что он сперепугу целый день пьет водку, а в Александрово-невскую лавру его могли ютвезти

только уложив пьяным в карету. Как-то на пути царского поезда неправильно поставлена была стрелка, и поезд едва не потерпел крушение. Царь отделался испугом. «Дуракам — счастье», — кратко заметила по этому поводу «Правда». Не щадили и царской семьи. «В семейке Романовых есть все, чего хочешь», — писала «Правда», — и казнокрад Костя, и мелкий воришка Николай Константинович, и мот дяди Николай и тому подобные позорные личности». В особенности доставалось вел. кн. Николаю Николаевичу. «Милый развратник-дяденька», укорял его Климов и рассказывал, что «Николай Николаевич всю свою жизнь провел в кругу пьяниц и публичных женщин... Через Числову (танцовщицу) обделывались все интендантские кражи» и т. д.

Эмигрантской публике третьего сорта эта вульгарная бойкость нравилась, и среди нее Климов имел успех. Он поэтому воображал, что газета действительно произвела сильное впечатление на революционные круги, и хвастался в своих письмах в Петербург неимоверно. Правда, временами, перечитывая свою газету, он сам приходил в ужас и писал: «Вообще «Правда» приносит мне много горя. До выхода ее в свет я не думал, что мне будет так тяжело и больно читать выходящее из моих рук про тех, кто дороже жизни. И пусть мне будет прощено мое невольное преступление ввиду святой цели и верной службы государю. Часто перечитывая статьи, я просто схожу с ума, но в конце концов должен покориться обстоятельствам. Прошу, как милости, о высылке мне материала, что даст мне возможность, некоторые окончательно мерзкие статьи не помещать, отговариваясь неимением места. Помещая ваши статьи, я могу прямо ответить, что не вправе не помещать статей своей группы».

Агентурные сводки и литература «св. дружины» поступали регулярно на просмотр царю.

Доходила, надо думать, «Правда» и до высших сановников, и каково было, например, всевластному градоначальнику Грессеру читать о том, что его в укомном месте оскорбленный любовник какой-то приятной дамы со щек на щеку хлестал, — тем более, что так оно в действительности и было, и не смела об этом ни слова сказать ни одна газета, кроме своей же полицейской. Но и Александр III, и великие князья, и министры, — все терпеливо сносили обиды и насмешку ради великой и «святой цели»: чтобы дать Климову возможность стать во главе террористов. А Климов пи-

сал о том, что он уже завязал переписку с Ткачевым, редактором «Набата», и сам Дейч выражал дважды желание познакомиться с ним, Климовым, и уже назначено у них свидание где-то в окрестностях Кларана.

Несомненно, Климов в своих донесениях врал на три, если не на все четыре четверти. Ткачеву он может быть и писал, но ответа от Ткачева не получил, а свидание с Дейчем не состоялось, — повидимому, и не назначалось. В Петербурге лоботрясы всему верили и козыряли перед конкурентами из министерства внутренних дел широкими планами, которые развертывал Климов. А он разливался соловьем:

«Партия анархистов (бакунинцев), которых, правильнее выражаясь, надо назвать кружок, к «Правде» относится сочувственно, но принимать активного участия не решается из боязни в преступлении против святого духа, т. е. что я не разделяю с ними учения о коммунистическом устройстве всего мира. Следовательно, если они примкнут ко мне, то, по их мнению, они значит будут отступниками своих учений. Обращать особое внимание на них не стоит. Крик их незначителен, и сами они нелюбимы».

Интересней всего — это партия народофильская, где фигурируют: Лавров, Засулич, Дейч, Ткачев, Виктор Иванович Басов и др. Хотя во взглядах политико-экономических и расходятся, но зато принципы революционной борьбы у них одни. К партии этой уже перешла часть бакунинцев.

Партия эта для меня самая интересная: а) к ней все относится с доверием, б) более-менее она состоит в соприкосновении с партией народофильцев в России и ей известны кое-какие затеи русских, в) этой партии боится «Общее дело» и заискивает, хотя ненавидит. Сблизясь с ней и сделав «Правду» ее органом, я употреблю меры к слиянию «Правды» с «Общим делом». Вот программа, к которой я теперь стремлюсь.

Думаю, что этим путем мне будут доступны все душевные тайники. Уже самый выход «Правды» принес большую пользу. Все сомнения касательно меня разрушены, чувствую себя прочно в Женеве.

Вчера Вася (блондин, лет 30 — 35, небольшого роста), фамилии не знаю, сообщил мне, что Дейч, живущий в Кларане, желает познакомиться. Что Ельпидин, не принимавший прежде корреспонденции от бакунинцев, теперь хотя и не редактор, бегаёт и просит сотрудничества. При отказе с

злостью говорит всем: «Ай новым соблазнились в надежде великих милостей от Климова? Желаю успеха». Жеманов интересуется «Правдой».

Что касается «Вольного слова», то они ругают «Правду», упрекая ее за мягкость и отсутствие научных статей. Спасибо им за это. Брань «В. С.» дороже денег в мнениях редакции...».

Климов, конечно, весьма преувеличил впечатление, произведенное первым номером «Правды». Верно, пожалуй, что сомнения относительно его личности несколько поколебались, и внесена была действительно деморализация в среду пишущей эмигрантской братии, часть которой не могла устоять перед соблазном климовского гонорара. Но столь ничтожный результат не оправдывал затей, а главное, — не открывал пути в террористические сферы.

Еще до выхода в свет газеты Климов говорил всем, что он принадлежит к какому-то в высокой степени конспиративному террористическому обществу в России. В доказательство показывал письма, которые он получал от своих друзей. И теперь Шувалов написал письмо, которое было напечатано в «Правде» как корреспонденция из Петербурга. Шувалов упрекал «Правду» за чрезмерную «мягкость» и требовал более решительной пропаганды террора. Однако это не так легко было сделать. Климов принадлежал в ругательствах против царя, — и все же к четвертому номеру «Правды» окончательно выдохлась и решительно никому не могла быть интересна. Предстоял позорный конец, — выручило, однако, неожиданное обстоятельство.

Тайная официальная полиция, которая все время вела подпольную борьбу с дилетантами политического сыска, решилась на выступление. В министерстве внутренних дел была составлена докладная записка «о противоправительственных обществах не столь вредных». Речь в ней шла о конституционалистских земских кружках, об украинофилах, о «Земском союзе», созданном «священной дружиной», о «Вольном слове» и Драгоманове. Полицейская записка намекала на то, что «священная дружина» сознательно взяла конституционное движение под свою защиту. Прямого обвинения не было, но в это же время кружок Победоносцева и Толстого распространял в придворных сферах слухи о конституционных честолюбивых замыслах гр. Шувалова. Записка, конечно, стала «священной дружине» немедленно известна, и вот в пятом номере «Правды» появилось письмо из

Петербурга, взбудоражившее сразу всю эмиграцию. Письмо уличало Драгоманова, — имя его не было названо, — в тайной связи с правительством, которое решило будто бы поддержать конституционное движение, чтобы отвлечь революционеров от террора. Письмо обнаруживало знакомство с полицейской запиской, но то, что записка приписывала «священной дружине», «Правда» вваливала на «третье отделение».

Письмо в «Правду» написал Шувалов, и в подлиннике имя Драгоманова было названо полностью. Была и ссылка на полицейскую записку. Но Черкезов и другие убедили Климова не печатать имени Драгоманова, пока не придет из Петербурга уличающий документ. Шувалов остался этим недоволен, и в следующих номерах «Правды» имя Драгоманова появилось полностью. Таким образом именно Шувалов поддерживал подлую кампанию против Драгоманова.

О впечатлении, произведенном сенсационным разоблачением, можно судить по такому донесению Климова 15 сентября:

«Сегодня в 7 ч. утра Черкезов был у меня. Когда я дал ему читать письмо и он прочел первую страницу, то можно было думать, что он умирает. Бледный как полотно, с дрожащими руками, с глазами, налившимися кровью, он задыхаясь остановился и не мог читать дальше. Не продолжая чтения дальше, он возвратился к началу и несколько раз повторил: «Документальное доказательство, связь с полицией». Успокоившись немного, он дочитал письмо уже более спокойно, при чем на довод ваш, что конституция отодвинет надолго революцию, возразил: «Ошибка». Когда было письмо окончено, я спросил его мнения, что он думает. «Если Вы получите документы или указание, сколько и через кого получается на издание «В. С.», подкрепленное хоть чем-нибудь, то я напишу сам обвинение и подпишу свою фамилию. С Вашей же стороны будет обязанность напечатать документы». После толков, как и что надо предпринять, мы остановились на решении молчать и не говорить ни слова до получения документов, так как, не имея их в руках, предпринимать ничего нельзя из опасения, что вся истина может быть перетолкована как провокация, с добавлением, что «Правда» издается с этой целью.

Надо принять во внимание, что мнение о В.-Словцах такое: Мальшинский шпион. Драгоманов конституционалист, но не хочет сознаться в оплошности, через которую он

попался на удочку шпиона, в душе же он истинный враг русского правительства; что у него много сторонников, которые захотят осязательных данных.

Жаль, что в письме Вы не уговянули о Мальшинском. На это было обращено внимание. Я объяснил, что он признается шпионом, для которого жаль тратить время и бумаги. Объяснение принято во внимание. Жду поличного и указаний».

Пятый номер наделал, естественно, шуму чрезвычайного. Хотя руководящие революционные круги и разошлись с Драгомановым, но относились к нему все с таким уважением, и репутация его была так высока, что прямое обвинение в связи с полицией всех взволновало. Тираж «Правды» сразу увеличился, и в Петербурге этим обеспокоились. Климову предписано было пускать в продажу не более сотни номеров, а остальные высылать через Кенигсберг, якобы в Россию, а в действительности для уничтожения. В скором времени Климов получил и полицейскую записку, — ту ли, которая была в 1883 г. опубликована в «Общем деле» или другую, неизвестно, но с указанием не опубликовывать ее впредь до особого распоряжения. Записку эту Климов под величайшим секретом показал Черкезову, Ельпидину и др., и состоялось по этому поводу даже таинственное их собрание.

«25 сентября в 6 ч., — писал Климов, — состоялась сходка, на которой участвовали: Ельпидин, Жеманов, Черкезов, Христофоров, Климов и Яков Семенов. Сходка была в библиотеке Ельпидина, при чем окна и двери были заперты; полицейская записка была сверена с рукописью Черкезова. Семенов настаивал тотчас же приступить к печатанию. Климов доказывал невозможность до получения условного письма из России... Решено ждать письма... Прошу сообщить спустя неделю, что в государственную полицию получено донесение из Женевы, что Климов имеет сообщение с Петербургом и что им получен какой-то документ, выкраденный из государственной полиции, что документ очень важный и что он является уликой против В.-Словцев, но что почему-то его ждут оглашать. Что Крапивин (псевдоним жандармов), прося принять меры к ограждению на будущее время».

Климов ходил именинником. Положение его как будто упрочилось. Черкезов взял на себя фактическое руковод-

ство журналом за 100 фр. в месяц, и удалось привлечь к сотрудничеству старого революционера-бунтаря Григорьева, замечательно бездарного революционного поэта. Он забарабанил в следующих номерах, а Черкезов в статьях без подписи стал разоблачать опасность для революции от конституционных замыслов и от политических требований.

В действительности положение Климова осложнилось. О нем всюду заговорили, и неотступно вставал вопрос, что же это за группа, обладающая такими средствами и связями, умеющая добывать секретные документы, издающая газету и т. д.? Никому в России она не была известна, члены ее ни разу не попадались и не были арестованы. 9 октября Черкезов прямо поставил этот вопрос перед Климовым, и Климов объяснил, что «группа всего год с небольшим существует; что действия ее пока ограничивались пропагандой в среде экономической; что она ведет дела крайне осторожно, но что, несмотря на все это, уже некоторые члены попали под надзор».

Черкезов этим объяснением как будто удовлетворился. Климов, однако, перетрусил не на шутку и просил «св. дружину» немедленно принять меры, которые могли бы рассеять сомнения эмиграции. «Вступаю в самый рискованный период, — писал он, — прошу поддержки и действиями и советами».

В октябре вся Европа взволнована была взрывом бомб в Лионе, и началось повсюду свирепое преследование анархистов. На швейцарское правительство посыпались обвинения в том, что оно укрывает опасных заговорщиков, — в том числе русских, Кропоткина и Черкезова. Некоторые заметки в «Правде» были истолкованы как проповедь бомбометания. Черкезов временно скрылся, а Климова вызвали к себе швейцарские власти и допрашивали его о связях с Кропоткиным, Реклю и другими видными анархистами. С одной стороны, это чрезвычайно подымало кредит Климова в глазах эмиграции. За ним стала следить французская тайная полиция, доносившая между прочим о своих наблюдениях «священной дружине» и работавшая по заданиям русской полиции. Шпионы гнались за шпионами, шпионы разоблачали шпионов, — и никакого собственно толку в этом не было. Серьезные революционные круги были весьма недовольны причастностью русских эмигрантов к активному французскому анархизму, и радикализм «Правды» смущал и вызывал тревогу.

Петербургские лоботрясы не останавливались ни перед какими препятствиями. Шувалов сейчас же изготовил новую партию с новой программой, и Климов вскоре мог сообщить своим друзьям, что партия его называется «социалистами-общинниками», а программа начнет печататься с ближайших номеров «Правды». Конечная цель социалистов-общинников заключалась в организации союза земледельческих артелей, — это куда бы еще ни шло; но надо было эту почтенную цель связать с революционным и социалистическим движением, на что требовалась уже некоторая умственность. По этой части лоботрясы были слабоваты.

Программа социалистов-общинников должна была заключать в себе нечто аграрное и нечто солидное. И получил Климов из Петербурга в развитие и обоснование своей архиреволюционной программы три статьи:

- О пропаганде земледельческих машин.
- О соблюдении осторожности при пропаганде мер искусственного удобрения, и
- Об искусственном травосеянии, как факторе общинно-артельной эволюции в России.

Первые две статьи были напечатаны в №№ 6 и 7 «Правды», и после этого Климов доносил с прискорбием в Петербург, что недоумение в революционных кругах не только не уменьшилось, а напротив, принимает угрожающие размеры, и нужны наряду с мерами искусственного удобрения какие-то другие меры — более революционного свойства.

В виду беспомощности Климова в подкрепление прислан был ему специальный «идеолог», некто под вымышленным именем Ивана Васильевича Троицкого, личность загадочная, мелькнувшая в Женеве и улетучившаяся прежде, чем Рапацкий успел мобилизовать свои внушительные для «шпелков» личные средства. Троицкий написал статью «Чего же-лаем», которая сразу же выяснила физиономию «Правды» и произвела действительно глубокое впечатление. Статья началась с брани крупного калибра по адресу конституционалистов и вообще «политиков» и недостаточно решительного и полного разрушения государства всеми средствами. «В высшей степени полезными, — писал Троицкий, — должны быть признаны: войны, восстания в окраинах, аграрные смуты, государственное банкротство, голод, мор, гарь и все вообще крупные национальные несчастья, неудачи и колебания... Большую пользу могут принести слухи

о переделе земель, хотя бы в силу царской милости. Вполне своевременными признаются: порубки, потравы, стачки с.-хоз. рабочих, порча скота и орудий, принадлежащих личным собственникам, поджоги, личные нападения на собственников... Аграрный террор жестоких эксплуататоров (обыкновенно разоренных), сколько против представителей цветущих хозяйств (обыкновенно более гуманных)».

Грубейшая и глупейшая провокация до такой степени бьет из каждой строки этой статьи, что в сущности карьера Климова в революционной среде должна бы на этом и кончиться. Но для настроений упадка некоторой части эмиграции 1882 г. характерно, что кончилась она не сразу, и целую неделю после выхода № 8 Климов пребывал в приятном заблуждении, будто радикализм программы очень понравился публике, а загадочный Троицкий не боялся встречаться и вести разговоры с видными революционерами. Однако вслед затем Климов учуял нечто тревожное в воздухе, а Троицкий благоразумно испарился. О дальнейшем ходе событий Климов довольно подробно информировал Петербург:

«Третьего дня, т. е. 12 ноября, состоялось собрание эмиграции. Собрание было созвано Верою Засулич. Она предложила напечатать в газетах протест против обвинения русской эмиграции в французских беспорядках. Цели этого протеста были следующие: 1) поддержать женеvское кантональное правление, которое уже выразило неудовольствие за клевету, что в Женеве будто бы изготавливаются динамитные бомбы; 2) успокоить федеральное правительство и тем придать ему бодрость в борьбе за право убежища; 3) косвенно выразить порицание Кропоткину и Черкезову за вмешательство во французские дела.

В собрании участвовало 15 человек. При баллотировке 7 были за протест, 6 — против и 2 воздержались от подачи голоса, так что предложение провалилось.

Вторым вопросом было: как следует относиться к «Вольному слову» и Драгоманову? На это предложение Добровольский заявил: «Господа, оставим «В. С.» на распятие «Правде», можно надеяться, что она его доест и без нашей помощи».

Предложение принято единогласно, и дальнейшего обсуждения не последовало.

Третьим вопросом было: как следует смотреть на «Правду» и в каком отношении держаться к Климову? Была прочи-

тана из 8-го № часть программы «Чего желаем», при чем был возбужден вопрос: не следует ли написать порицание против проповедывания о гари, о нападениях на владельцев, порче скота и т. п. и заявить, что русская эмиграция за границей не только против подобной анархической меры, но даже заявляет отсутствие всякой солидарности с группой, издающей «Правду». На это предложение последовало возражение: что это равносильно братоубийству, что если эти приемы, практикуемые, но не подлежащие огласке, и были оглашены, то, может быть, по неопытности группы в революционном деле, но не с целью провокации, как некоторые это поняли. Что, печатая порицание «Правде», эмиграция рискует дать возможность «В. С.» перепечатать порицание, что равносильно содействию правительству против революционной газеты.

После заявления Гутермана, что Ив. В. Троицкий, приезжавший для содействия Климову, не скрыл от них, что он не Троицкий, но что настоящей фамилии сказать не может из боязни, что эмиграция проболтается и узнает полиция, кто такой Троицкий, а от этого будет вред не только ему лично, но и всей группе. Что его фамилия известна многим эмигрантам и что достаточно ему пойти к нескольким из них, чтобы они завтра все были у Климова.

Результатом заявления было решение: поручить Гутериану и Трусову предложить Климову назвать по секрету Ельпидину и Добровольскому настоящую фамилию Троицкого и затем, если лицо это окажется компетентным, то, приняв Климова в свою среду, по возможности оказать ему содействие по изданию «Правды». Сходку назначить на 15-е число, дав время уполномоченным переговорить с Климовым».

Тут Климов либо сам солгал, либо солгал ему его информатор. Ни о каком содействии «Правде» не могло быть и речи на собрании, в которых участвовали Плеханов, Лопатин, Засулич.

Уполномоченные пришли к Климову, который держал себя, повидимому, развязно и нагло: «Я ответил им, — рассказывает он: — коль скоро Троицкий сам не сказал своей фамилии, то я не только не могу открывать его, но даже и не смею. По-моему это равносильно измене. Возражение мое они вполне оценили и дали слово более не пытаться, прося в свою очередь написать к своим (соц.-общ.) и просить их через местных (русских) деятелей вывести их из сомнения относительно «Правды» и дать возможность

участвовать в ней сотрудничеством... Трусов добавил, что если будет получено письмо, то не только разговоры прекратятся, но что даже многие тотчас же придут сами ко мне для сотрудничества. На предложение это я выразил согласие, добавив, что мы ничего не имеем против эмиграции, но что собственно говоря для нас интересно сближение с активными группами в России для совместного содействия, и что ни я, ни моя партия не добиваемся особого знакомства с эмиграцией, и что самое издание «Правды» предназначено для России, а не для заграницы». В заключение Климов просил указаний для дальнейших действий — и получил жестокий нагоняй. Граф Шувалов писал ему сердито: «Из Вашего последнего письма видно, что Вы совершенно уклонились от программы отношений социалистов-общинников к русским революционерам. Вы говорите, что для нас интересно сближение с (активными) группами террористов в России, между тем вы очень ясно высказали свои опасения: 1) относительно сношений с русскими революционными кружками в России и И. К. (исполнительным комитетом) в особенности, опасаясь: а) погони, учрежденной полицией и дружинами, которые очень легко могут отыскать центры вследствие б) неправильной постановки конспирации у народовольческой партии.

2) Соц.-общ. желают умственного и нравственного общения с прочими революционными фракциями и с ИК, но не путем прямых сношений, а на нейтральной почве через редакцию «Правды». Через ту же редакцию сообщаются сведения, полученные из полицейских источников».

Однако желание графа Шувалова «умственно и нравственно» общаться с революционерами запоздало. В иностранных газетах появилось такое заявление:

«Русские политические эмигранты, проживающие в Женеве, собравшись 21 ноября 1882 г. в количестве 26 человек, единогласно постановили заявить:

что выходящая в Женеве русская газета «Правда» не есть их орган,

что не есть он также, насколько им известно, орган какой-либо группы русских социалистов в России или за границей,

что идеи, провозглашаемые этой газетой, не разделяются русской эмиграцией,

что вследствие этого эта эмиграция вообще не отвечает за содержание статей, помещенных или имеющих быть

помещенными в этом издании. Женеве 21 ноября. От имени собрания Г. Плеханов, Н. Лопатин, Н. Жуковский, Зелинский».

Казалось бы после убийственного заявления 26 эмигрантов Климову надо было бросить все и бежать скорее из Женевы, памятуя не только о Рапацком, но и о более решительных способах расправы с шпионами. Но Климов не бежал. В ближайшем номере «Правды» он заявил презрительно, что ему на «инвалидов революции», — Плеханова, Лопатина и др., — наплевать.

Роль «Правды» была сыграна до конца, и дальнейшее издание ее было уже совершенно бессмысленно. После публичного клеймения к «Правде» не смел приблизиться ни один сколько-нибудь уважающий себя и уважаемый другими революционер. Остались только неуважаемые. Ни обманывать ни выслеживать Климов уже не мог. И все же «Правда» продолжала выходить еще целых три месяца и выпустила после номера восьмого еще двенадцать номеров. В этих номерах поэт Григорьев воспевал в ужасающе дубовых стихах Перовскую, Желябова и других героев «Народной воли».

В передовых статьях Климов языком ломового извозчика полемизировал с «Вольным словом», которое ему не отвечало. А затем попрежнему неведомые авторы называли министров «идиотами», «ворами» и т. д. — царя, однако, оставили в покое. Особенно доставалось Судейкину, которого именovali вежливо «собакой» и «Малютой Скуратовым».

Любопытно, однако, вот что: в декабре 1882 г. «священная дружина» приказала долго жить, и весь ее инвентарь ссыска, — в том числе и «Правда» — перешел к министерству внутренних дел. Хозяином «Правды» стал Судейкин, — и все же «Правда» продолжала выходить и называть министров «идиотами», — что было уже, собственно, искусством для искусства, так как практической пользы от этого быть не могло. В одном из последних номеров Климов напечатал залежавшуюся в портфеле огромную статью: «Искусственное гравосеяние, как фактор общинно-артельной эволюции в России», — статью даже не плохую с точки зрения агрономической, а в номере двадцатом, 13 февраля 1883 г., появилось толстенными буквами напечатанное заявление: «Издание газеты «Правда» прекращается навсегда. Ответственный редактор Н. Климов».

Из Женевы Климов уехал благополучно — к немалому, вероятно, прискорбию Рапацкого — и канул в неизвестность. Затем газета «Балтийский федералист» впервые открыто назвала его полицейским провокатором, и с тех пор утвердилось мнение, что «Правда» издавалась «третьим отделением» или его преемниками. Так писал о «Правде» и В. Я. Богучарский. Впоследствии стало известно, что «Правду» издавала «священная дружина», но предполагалось, что издавало ее правое крыло в противовес левому, шуваловскому крылу, издававшему «Вольное слово». Теперь можно утверждать с достоверностью, что руководил архитеррористической и вульгарно-провокационной «Правдой» тот же либеральный, изысканно-конституционный граф П. П. Шувалов, который поддерживал «Вольное слово» и имел негласные связи с подлинным земским движением, — достойный отпрыск жандармской династии Шуваловых.

4. Доктор Нивинский и его двойник.

В феврале или марте 1882 г. граф П. П. Шувалов получил такое письмо: «Ваше сиятельство! У меня сложилась комбинация, не лишенная, по моему мнению, будущности. Ежели Ваше сиятельство пожелает поставить меня в возможность изложить перед Вами мои соображения, то не будет ли угодно пригласить меня в качестве врача (*pour sauver les apparences*) в какой угодно день с 1 ч. — 5 ч. или же после 9 час. вечера. Абсолютную тайну считаю необходимым условием успеха. С искренним уважением покорный слуга Доктор Э. Нивинский. Знаменская ул., д. № 11, кв. 1».

Свидание графа Шувалова с доктором Нивинским состоялось. О чем они говорили, неизвестно, но у «св. дружины» создалось убеждение, что они имеют дело с человеком, чрезвычайно близким к исполнительному комитету «Народной воли». Этот человек выражал солидарность с задачами «священной дружины» и хотел бороться с террором, — бороться однако не полицейским, а общественным путем. Первая мысль дружинников была, что перед ними революционер, пожелавший проникнуть в «св. дружину» для своих быть может и террористических целей. К нему отнеслись с особой осторожностью. Доктор Нивинский, однако, сумел внушить к себе доверие. В присутствии главарей дружины ему был učinен допрос, протокол которого в черновике и, к сожалению, в весьма неполном виде сохранился

в бумагах графа Шувалова. Отсутствует как раз начало протокола.

Доктору Нивинскому предложили засвидетельствовать свою благонадежность («хотя бы и относительную») разоблачением личного состава террористической организации и ее предполагаемых действий. Д-р Нивинский ответил, что «он не шпион и работает не из-за денег и вследствие сего называть имена не согласен». Нивинский предложил дать сведения анонимного характера, заслуживающие, по его мнению, полного внимания. Дружинники согласились. Тогда доктор Нивинский дал пространное показание. Он сообщил, что партия «Народной воли» выработала новую программу и объединяется с «Черным переделом», что решено привлечь известных литераторов в редакцию «Народной воли», и четыре писателя уже приглашены; что решено начать «малый правительственный террор», т. е. «убийство, отравление или изуродование наиболее важных анти-революционеров, напр. Муравьева, Судейкина и некоторых руководителей «св. дружины»; одновременно начать «малый фабричный и аграрный террор», т. е. поджоги, порчу машин и инструментов, убийство фабрикантов, помещиков и управляющих... Как некоторую новость Нивинский сообщил, что партия решила практиковать «террористический шантаж», т. е. «ряд вымышленных заговоров, доведение до сведения полиции о мнимых типографиях, складах и лабораториях».

Доктора Нивинского спросили, зачем понадобилось революционерам прибегать к таким мистификациям? Он ответил по-французски: «C'est pour les tenir en haleine»¹.

Нивинский сообщил далее, что после каждого террористического акта будут выходить прокламации с мотивировкой убийства, при чем мотивировка будет носить по возможности обоснованный юридический характер... Доктора спросили, почему не было прокламации после убийства Стрельникова? Он ответил довольно невразумительно, что впечатление прокламации требует много времени, шрифт раздается по рукам, и возможно, что в Киеве или Одессе такая прокламация появилась². Имена убийц Стрельникова доктор Нивинский отказался назвать, но заявил авторитетно, что разыскиваемый Халтурин во всяком случае к убийству отношения не имел.

¹ Чтобы держать их (правительства) в беспокойстве.

² Прокламация исполнительного комитета партии «Народной воли» по поводу убийства генерала Стрельникова появилась 2 апреля 1882 г.

Более сенсационный характер имели следующие сведения, которые мы приводим здесь полностью по протоколу. В делах «св. дружины» доктор Нивинский между прочим нередко фигурирует под именем д-ра Еввинского. Это или описка или весьма примитивная конспирация.

Доктор Нивинский рассказал, что партия «Народной воли» имеет в виду:

«предложение правительству компромисса в смысле прокламации от 2-го марта (1881 г.), но в более мягкой форме.

Если в течение месяца не будет получено ответа, — убийство великого князя Владимира Александровича.

Примечание: на вопрос, почему именно Владимира Александровича, получен ответ, что великого князя считают представителем «репрессивной политики» и что партия весьма опасается его влияния на государя.

После всего, в течение двух месяцев — полное затишье и со стороны партии одна только литературная работа.

Предложение правительству второго компромисса.

Если в течение означенных двух месяцев не будет получено ответа, — ряд покушений на жизнь государя императора.

На вопрос, предполагаются ли покушения на жизнь его величества ранее коронации, д-р Е. заметил, что невозможно отвечать за действия отдельных фанатиков, но что партия решилась прибегнуть к цареубийству лишь в крайнем случае, т. е. согласно вышеизложенной программе. Эту программу предполагается привести в исполнение с тем расчетом, чтобы цареубийство непременно совпадало с коронацией».

Далее следует рассуждение доктора Нивинского о том, почему оказалось неудачной «катастрофа 1 марта», и мелкие сообщения, не представляющие особого интереса. Центр тяжести показаний Нивинского в этой разработанной народо-вольцами программе компромиссов и ультиматумов. Она произвела на руководителей «св. дружины» подавляющее впечатление. Исполнительный комитет «св. дружины» занялся обсуждением информации Нивинского, и нет сомнения в том, что обстоятельный доклад по этому вопросу был сделан Александру III.

Личность доктора Нивинского не освещена в литературе. Он загадочно появляется и так же загадочно исчезает, не оставив после себя никаких следов. Он преследовал какие-то свои цели, выдумывая фантастические сведения о

программе и планах исполнительного комитета народо-вольцев. Был ли это просто Хлестаков или авантюрист с каким-то своим дерзким и нераскрытым планом? В революционных кругах никто его не знал, но он повидимому имел некоторое отношение к польским социалистам. Какие-то обрывки сведений из революционного подполья к нему доходили; пользуясь ими, он сочинил ту программу деятельности народо-вольцев, которая так поразила «св. дружину».

Правда, прошел и месяц, и другой, а никаких ультиматумов революционная партия не предъявляла и предложений с компромиссами не делала. Народо-вольцы вообще замолчали. Причина этого молчания теперь известна: организация была разгромлена. Но правительство и общество в затишье чувствовало тревогу и загадочность, и царь все не решался назначить день коронации. Что делал в эти месяцы доктор Нивинский, неизвестно; сношения его с Шуваловым не прекращались, и он настолько успел войти в доверие, что был принят в члены дружины. В бумагах графа Шувалова сохранился подлинник данной Нивинским при поступлении в дружину подписки: «Поступив в добровольческую охрану его величества, я обязуюсь приложить все зависящие от меня меры к предупреждению преступных действий, направленных против священной особы государя императора. Я вступаю в ряды людей, не преследующих чьих-либо политических убеждений, но лишь действия, признанные преступными законодательствами всех цивилизованных народов. Доктор Эдуард Ипполитович Нивинский». Подписка эта и по форме и по содержанию отличается от обычной присяги дружинников. Доктор Нивинский выговаривал для себя какую-то свободу своих политических убеждений и не желал, повидимому, смешиваться с другими сотрудниками «священной дружины», менее щепетильными.

Дальнейшая история карьеры доктора Нивинского рассказана В. Я. Богучарским в книге «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в.» (гл. 11 и 12). Д-р Нивинский появляется внезапно в Женеве у Драгоманова и выдает себя за представителя влиятельной группы земцев, уполномоченного вести переговоры с «Народной волей» о прекращении террора. Драгоманов направил Нивинского в Париж к Лаврову, и вместе с Лавровым и Ошаниной (Полонской) Нивинский выработывал известные условия исполнительного комитета, предъявленные через «земцев», т. е. через «священную дружину», правительству. Происходило это в

июле — августе 1882 г. Лавров переписывался затем с доктором Нивинским, который приезжал в Париж вторично в октябре того же года; а потом звезда «священной дружины» стала закатываться, из переговоров ничего не вышло, хотя их продолжал вести Николадзе с Верой Фигнер и Тихомировым. Доктор Нивинский бесследно исчез, и с тех пор имя его ни разу нигде не всплывало.

О переговорах своих с Нивинским П. Л. Лавров впоследствии рассказал довольно подробно; сообщил кое-что и М. П. Драгоманов и Вл. Дебогорий-Мокриевич, принимавшие только косвенное участие в попытке соглашения между мнимыми земцами и народолюбцами. Молчала только другая сторона — «священная дружина». После революции заговорила и она, и перед нами довольно пространный доклад, озаглавленный: «Отчет о поездке в Женеву и Париж». Доклад подписан условным номером «13013».

Основные данные доклада совпадают в общем с рассказом Богучарского. Автор доклада был сначала у Драгоманова, потом у Лаврова. Встречи и переговоры относятся к концу лета и началу осени 1882 г. Разговор шел об условиях прекращения террора, и условия эти, продиктованные Лавровым, автором доклада были подписаны. При разговорах с Лавровым присутствовала не раз женщина, которую № 13013 называет Лаврентьевой (М. Ошанина). Среди других условий была и выдача исполнительному комитету народолюбцев значительной суммы на созыв съезда. Автор доклада выступал от группы влиятельных либеральных земцев, имеющих связи и при дворе. Словом, перед нами доклад, подтверждающий от имени «св. дружины» рассказ Лаврова о переговорах с Нивинским, но... Есть весьма существенное «но»: этот доклад принадлежит не доктору Нивинскому. Все то, что Лавров приписывает доктору Нивинскому, проделывало другое лицо, другой сотрудник «св. дружины», который, несомненно, не доктор Нивинский. Имя этого сотрудника разоблачается подлинной его такой распиской: «Получил от графа Павла Петровича Шувалова семьсот рублей для заграничной поездки по делам Д. О. и заграничный паспорт на имя дворянина Ивана Николаевича Некрасова. 13 июля 1882 г. Н. Клименко. № 13013».

Н. Клименко — это не псевдоним. Это подлинная фамилия человека, о котором известно, что он киевлянин, владелец небольшого имения в б. югозападном крае, автор статей по агрономическим вопросам. Мы не знаем, как он попал в

«св. дружину» и что он там делал до своего появления в Женеве у Драгоманова и в Париже у Лаврова, но не подлежит сомнению, что он, Клименко, своей собственной персоной был и у того и у другого и был притом в такое же приблизительно время, когда у них был доктор Нивинский. Однако, совпадая с рассказом Лаврова в основных чертах, доклад Клименко расходится с ним в весьма существенных и характерных деталях. А в официальных бумагах «св. дружины», цитируемых В. Я. Богучарским в его книге, речь идет о командировке доктора Нивинского, и с Нивинским вел переписку и переговоры кн. Щербатов, ведавший вместе с гр. Шуваловым иностранные и высшие политические дела «св. дружины».

Н. Клименко весьма словоохотлив, даже болтлив, и сообщать полностью его доклад нет нужды. Мы приведем из него только то, что имеет прямое отношение к переговорам с Лавровым. Отчет Клименко неполон, — ему предшествовали письма к Шувалову и Щербатову, из которых только одно сохранилось в архиве. Кроме того, отчет и не точен. Клименко говорил не всю правду и не всегда говорил правду. Обманывал он главным образом Лаврова, но, несомненно, обманывал и своих патронов. Шпионская служба к правдивости не располагает.

У Драгоманова Клименко провел два вечера. Нивинский по рассказу Драгоманова уехал в Париж с Дебогорий-Мокриевичем, о чем «св. дружине» стало известно и из филировки за Нивинским. Клименко о Дебогорий-Мокриевиче ничего не сообщает. С Драгомановым он вел пространные беседы об аграрном вопросе в России, говорил о своем личном опыте, о статьях, которые он печатал в «Земледельческой газете», и выступал решительно против социализма в деревне. Выдавал себя Клименко за либерального земца, едущего к Лаврову по поручению группы единомышленников, но в планы свои Драгоманова, повидимому, не посвящал. Кончилось тем, что Клименко обещал написать для «Вольного слова» статью о положении крестьян, и повидимому ему принадлежит обширная корреспонденция «из юго-западного края», проникнутая весьма ощутительно антисемитским духом.

Из рассказа Лаврова следовало, что доктор Нивинский сразу явился к нему с определенным предложением. Так оно и должно было быть, для этого и понадобилось посредничество Дебогория-Мокриевича, который присутство-

вал на первом совещании. На этом совещании Нивинский сообщил о своей миссии. Клименко в первое свое посещение Лаврова никаких предложений ему от имени либеральных земцев не делал и даже скрывал цель своей поездки в Париж. Вот что он пишет:

«Тот же диспут (что и с Драгомановым: по вопросу о социализме в деревне. — Д. З.), но менее горячий и гораздо менее продолжительный, я имел с Лавровым и некоторыми лицами, которые у него были вечером (от 9 до 12). Там был какой-то курский помещик с дочерью и Лаврентьева. Лавров не особенно возражал мне, уверяя, что несмотря на различие наших мнений, есть общие у нас желания, на которых и можем сойтись. Отношения с Лавровым установились самые лучшие. Я объявил, что приехал по делу одной железной дороги. Он начал с большим интересом меня расспрашивать и настойчиво начал предлагать свои услуги познакомить меня с одним капиталистом; хотя и сказал, что ничего не понимает в подобных делах. Просил устроить кружок «Красного креста», а в особенности надо иметь в виду привлечь к Кресту какого-нибудь богатого помещика. Кроме социализма я высказался по другим политическим вопросам самым либеральным образом...» Словом, в первое свое посещение Клименко был для Лаврова либеральным, сочувствующим революции российским обывателем, попавшим за границу по своим железнодорожным делам. Клименко дал Лаврову 20 фр. для «Красного креста», получил от Лаврова совет прочитать книгу Шефле о социализме с примечаниями Лаврова, и на этом первый визит закончился.

Второй визит имел место через некоторый неопределенный промежуток времени. Лаврентьева успела за это время побывать в Лондоне и вернуться. И на этот раз у Лаврова были, кроме Клименко, другие посетители (какой то молодой человек и девица), была и Лаврентьева. Беседа была, по видимому, бессодержательна. Клименко о ней ничего не сообщает.

Точно так же не открывал цели своей поездки Клименко и при третьем посещении Лаврова. Шел только общий разговор «о всеобщем недовольстве» на правительство среди образованных классов и о полной неудаче правительственных экономических мероприятий с содействием сведуших людей. Клименко сделал, однако, на этот раз Лаврову довольно странное предложение. «Я предлагал Лаврову, — пи-

шет он, — оказать содействие к образованию противорейских союзов, на что последовал решительный с его стороны отказ, ссылаясь на то, что никаких узких национальных целей они не преследуют».

Вслед за этим посещением Клименко уехал из Парижа, — мы не знаем, куда и зачем, как не знаем, когда он вернулся.

«По возвращении в Париж, — рассказывает Клименко, — когда я обратился к Лаврову за исполнением его обещания оказать мне помощь в железнодорожном проекте, то уже не встретил с его стороны прежней горячности к этому делу. Мне так показалось, но однако он предложил мне порекомендовать одного финансиста, очень честного человека, с которым я могу иметь дело. Сам же он ничего в этом не понимает и весь свой выигрыщ полагает в том, что по его рекомендации я приму на службу людей, пострадавших от правительства... Тут же, объяснив Лаврову финансовую сторону дела, я высказал, что во всяком случае он также будет иметь свою долю и что здесь же найдутся средства и для «Красного креста». По просьбе Клименко Лавров рекомендовал ему как переводчика на франц. яз. докладных записок и документов политического эмигранта Таксиса. С Таксисом Клименко встречался несколько раз и вел общие политические беседы. Между прочим Таксису Клименко передал для прочтения вышедший только что пятый номер Женевской климовской «Правды», а вышел этот номер 1 октября. С Лавровым Клименко беседовал и о шестом номере «Правды», которая вышла 10 октября. И именно в это же время, по словам В. Я. Богучарского, доктор Нивинский находился в Париже вернувшись из какой-то поездки... Но по Богучарскому д-р Нивинский успел уже в августе договориться об условиях соглашения, в то время как Клименко еще в начале октября разговаривал с Лавровым только о железнодорожных делах. Выходит, что доктор Нивинский и Клименко как будто разные лица, находившиеся одновременно в Париже для одной и той же цели. Это, однако, совершенная несуразность. Мы знаем даже, где они жили в Париже. Д-р Нивинский в августе жил в Hôtel Richmond, Клименко в октябре в Hôtel de Calais, где письма получал, впрочем, не на имя Некрасова, а на какое-то другое имя.

Кроме загадочного доктора Нивинского и его загадочного двойника, появляется теперь на сцене третье загадочное лицо. Это тот самый «очень честный» финансист, ко-

того Лавров рекомендовал Клименко. Он француз, по имени monsieur Bardac. В присутствии Лаврова Клименко беседовал с г. Barbac не только на тему о финансировании железнодорожного проекта, но и о причинах «упадка финансового положения России». Лавров и Bardac доказывали, что все дело в «политической смуте», а Клименко возражал, «что упадок зависит больше от экономических причин». Так было в присутствии Лаврова, а наедине с г. Bardac Клименко обсуждал вопрос именно о том настоящем деле, для которого он приехал в Париж, т. е. как наладить соглашение с народовольцами о прекращении террора. Как оказался monsieur Barbac посвященным в планы «св. дружины», нам неизвестно. Но в своем докладе Клименко не считает нужным это разъяснять, — стало быть, графу П. П. Шувалову это было совершенно ясно. В одном уцелевшем своем письме к Шувалову из Парижа Клименко пишет:

„Bardac продолжает меня уверять, что с Лавровым можно сойтись, что он патриот, в виду этого я просил Лаврова назначить мне вечер для беседы. Я буду с ним говорить как человек «Земского союза», и хотя в предыдущем письме я сообщал, что не знаю, что делать дальше, однако сделаю попытку убедить Лаврова в том, что образование у нас политической партии делает террор не только бесполезным, но даже вредным, особенно в виду предстоящей может быть войны с Германией и, вероятно, одновременно с этим и с Китаем. Выставляю заслугу их партии, но с тем, чтобы затем высказать суровое осуждение их образу действий; выскажу, что не только в образованных классах, но и в народе подымается против них реакция. Есть на это признаки. Продолжение террора покажет, что партия плоха, не дорожит ни русскими интересами, ни судьбой русского народа, и вся ответственность за несчастный исход будущей борьбы ляжет на них. Таким образом их будут считать чужими. На это Лавров мне может ответить, что он согласен с моим мнением и вполне готов сойтись, но террористы действуют независимо от него. В случае такого ответа я выскажу, что тогда террористы не партия, а какая-то группа людей, действующих не из высших интересов, или же он должен мне указать, с кем я могу говорить».

Так готовился Клименко к своей роли. Однако решительный разговор с Лавровым все откладывал, — повидимому, боялся, как бы не выдать себя. Он вообще трусил изрядно и ожидал террористических против себя покушений в Па-

риже; для этого и предпринимал некоторые меры предосторожности в отеле. Наряду с дипломатическим поручением на него возложено было и прямо шпионское: разузнать состав исполнительного комитета. Некто «А. П.» просил его доставить сведения «об одной даме, считающейся членом исполнительного комитета». В этих инициалах можно по некоторым признакам узнать А. П. Малышинского, который был не только издателем «Вольного слова», но и высшей категории сыщиком. Клименко под благовидным предлогом от этого поручения уклонился.

Наконец, Клименко решился.

«После некоторых предварительных разговоров с г-м Bardac, — пишет он в докладе, — о возможности соглашения с Лавровым, я явился к Лаврову и объявил, что цель посещения — переговорить с ним о политических делах; а так как для этого нужно не менее двух часов времени, то я и прошу назначить мне день и час. Он объявил, что о таких делах он готов говорить всегда и всегда на это имеет время; затем запер свою дверь и вывесил карточку, что его нет дома.

Я начал так: я приехал сюда по известному вам своему делу, но некоторые земцы, зная мое прежнее знакомство с Чернышевским, решились просить меня войти в сношения с вами и попытаться, — нет ли возможности с вами, как главою партии, сговориться, чтобы прекратить террор и дать этим возможность им действовать; но для этого необходимо знать, имеет ли партия достаточную дисциплину, иначе невозможно было бы с нею договориться. Я слышал от здешних русских, что все террористы действуют вразброд, кружками, между которыми нет никакого согласия; наконец, вы сами мне говорили, что не занимаетесь террором, даже лично не одобряете, и что этим заняты совершенно самостоятельно террористы, находящиеся в России. Вот хоть и тут, у вас на столе, как я вижу, лежат номера «Правды», — газеты, выражающей совсем не ваши идеи. Лавров при этих словах привстал, покраснел, сделал движение рукой, выразившее негодование, и сказал: «Это чорт знает что», — а затем спросил меня: «О чем же вы хотите говорить?»...

«На вышедший вопрос, — продолжает Клименко, — я изложил ему положение дела в России, безвыходность в виду упорства с одной стороны правительства, а с другой — террористов, говорил об ответственности, которая падает на последних в случае какого-нибудь внешнего не-

счастья. Земские люди в виду террора ничего не могут делать, они должны стоять на стороне правительства. Государю гораздо опаснее сделать уступку вам, нежели подвергаться опасности от вас. Никто из разумных людей не допустит, чтобы террор сделался орудием на будущее время для достижения политических целей и пр. Единственный выход мог бы быть, если бы земские люди взяли на себя почин, но для этого прекращение террора есть *conditio sine qua non*. Два человека из лично знакомых мне земцев, которых по именам я знаю в числе около 10 человек, поручили мне переговорить с вами об условиях прекращения террора. Когда я кончил свою речь, Лавров с некоторою гордостью начал обвинения против правительства, высказав, что исполнительный комитет писал письмо к государю, обещая прекратить террор, если оно выполнит условия, им предложенные, и что отправляясь от этих только условий можно начать переговоры с земскими людьми... Лавров объявил мне, что там есть только два пункта существенных требований, и спросил меня, согласен ли я, что нужно добиться учредительного собрания с преобладающим числом представителей от «собственно» народа, общей политической амнистии, свободы печати, слова и схода. Затем земские люди должны всеми силами противодействовать изданию учредительным собранием закона о социалистах. Он объявил, что террористы могут прекратить или приостановить свою деятельность только на таких серьезных условиях, так как вся сила их основывается на энергии, которая во всякой приостановке будет слабеть и кроме того лишит их материальных средств; следовательно, со стороны земцев должна быть оказана и материальная помощь.

Затем Лавров продолжает: что касается организации партии, то я должен вам сказать, что в последнее время мы сошлись с партией «Черного передела», и если есть какие-нибудь отщепенцы, то это дело обыкновенное во всех подобных случаях. В отношении соблюдения условий вы можете полагаться на мое личное обещание; они мне верят и меня знают, хотя я и не член испол. комитета: я же не могу полагаться на вас, потому что вас не знаю. Для переговоров и постоянных сношений мы выберем или найдем кого-нибудь из вас, может случиться, какого-нибудь профессора. Во всяком случае для окончательного решения придется созвать съезд, на что потребуется от 2 до 3 т. р. денег. Можете ли вы их дать? Я ответил — можем,

если ваши предложения будут приняты. На все основания программы соглашения я выразил согласие, чтобы дать Лаврову возможность (?), ограничившись лишь напоминанием, что решать окончательно буду не я и что, «запрос в карман не лезет», а затем, что разбор оснований, точные их границы и практический способ осуществления земской деятельности или предположений во времени будут обсуждены при заключении договора.

Когда дело дошло до помощи, я указал как на источник наших средств на железную дорогу, из которых известная доля будет принадлежать и Лаврову. На это он возразил, что нам дела нет, откуда вы возьмете средства, а о железной дороге, пожалуйста, никому не говорите ни слова.

Говоря об энергии партии, он во время настоящего свидания, как равно и следующего, несколько раз повторил, что мы можем ожидать, мы готовимся всегда исподволь, иногда и долго, по мере средств, а когда все готово, наносим удар. При этом свидании он меня спросил скороговоркой: есть ли что-нибудь общее между вами и лигами либеральной, земской и разными охранами? Я ответил: думаю, что нет, знаю же только 10 лиц, и то по именам, из которых только двух лично. Все же эти господа не служащие.

В следующее посещение я прежде всего заговорил о железной дороге, как о таком источнике средств, которым пренебрегать никак не следует в различных видах, как прямо денежных, так и в смысле помощи пострадавшим от гонения. Вообще я старался немного поэтизировать участие его и деятельность по железнодорожному делу.

Для такой натуры, как Лавров, требуется большая деятельность, он обладает при том большим умением подчинить себе молодых людей простотою и искренностью обращения, легкими дружелюбными упреками, снисходительностью и демагогическим азартом, наконец обаянием ученого.

Во время разговоров Лавров меня спросил: что же вы сделаете, если на адреса земств, которые вы предполагаете подать, ничего не ответят? Я сказал, что мы имеем возможность поднять население к восстанию, что вам это не могло бы удаться, а мы это можем сделать. А войска? Войска будут бездействовать так же, как во время еврейских погромов. Он ответил мне несколько таинственно:

важнее всего вести пропаганду в войсках, мы это и делаем, на это и обращаем всего больше внимания.

Лавров выразил желание поторопиться действием... Видя на моем лице смущение и выражение неудовольствия, когда я писал под его диктовку условия, здесь прилагаемые (условий в бумагах нет. Д. З.), Лавров спросил меня несколько раз, не имею ли я чего возражать? Я ответил, что предпочитаю не входить в обсуждение его условий, а доставить их своим товарищам, как они есть. Затем, когда я кончил, он повторил тот же вопрос, и на случай, если я найду нужным возражать, назначить через день время от 11 до 12 ч. пополудни. Я не воспользовался этим, чтобы не испортить дела, окончательные цели которого мне не были известны, а возражать это значило — в том состоянии духа, в котором я находился — окончательно порвать с Лавровым».

Вот в существенных своих частях доклад Н. Клименко. Он не оставляет никаких сомнений в том, что именно с автором доклада Лавров вел переговоры и вырабатывал условия соглашения. Доклад разъясняет некоторые обстоятельства, которые были непонятны В. Я. Богучарскому. Так, например, «почему-то», по выражению Богучарского, в проекте соглашения слова «земская лига», которые были в черновике, набросанном Лавровым, заменены словами «партия либеральных земцев». В своем докладе гр. П. П. Шувалову Клименко говорит, что он отрицал свою принадлежность к земской лиге и выступал от имени каких-то десяти либеральных земцев. Пункт 8 «соглашения» и заключает в себе условие предъявления исполнительному комитету списка десяти лиц, «более или менее известных, уму и честности которых исполнительный комитет мог бы доверять, даже не имея прежде с ними сношения».

В. Я. Богучарский, далее, предполагал, что у Лаврова было сообщение Нивинского, «вероятно, письменное», о заметках, которые появились в климовской «Правде», и ответом на это сообщение явилось письмо Лаврова представителю «земской лиги» с такими, между прочим словами: «... можно ли ожидать от них (от «либеральных земцев»), как группы, чего-нибудь решительного, если они пугаются всякого вздора, написанного в какой-то ничтожной газете?». Из доклада Клименко мы знаем теперь, что «Правда» лежала во время разговора на столе Лаврова, и уже во время беседы Лавров в раздражении отрекался от всякой соли-

дарности с «террористическим» органом «св. дружины». Однако письмо свое — как бы продолжение этой беседы — Лавров начинает обращением: «Любезный Эдуард Ипполитович!» — и адресовано это письмо доктору Нивинскому. Да и помимо этого совершенно невозможно предположить, чтобы Лавров одновременно или почти одновременно вел одинаковые переговоры с двумя представителями «земской лиги» или «либеральных земцев», вырабатывал одни и те же условия, ставил одни и те же требования... Был только один представитель «св. дружины», беседовавший с Лавровым. Это доктор Нивинский, он же Клименко. Это так же несомненно, как и то, что в «св. дружине» существовали независимо друг от друга два человека: доктор Нивинский, владелец гидропатического заведения на Знаменской ул., и помещик Клименко, владелец имения в Киевской губ., люди различного склада натуры и с совершенно различными почерками, в чем нетрудно убедиться, сличив их собственноручные подписи.

Был только один представитель «св. дружины», приехавший в августе — октябре в Париж для переговоров с Лавровым. Но тогда выступает разительное, вопиющее противоречие между рассказом Лаврова и Дебогорий-Мокриевича, с одной стороны, и рассказом Клименко-Нивинского — с другой. Дебогорий-Мокриевич подробно описывает первую встречу, даже то, где кто во время разговора сидел. По словам Деб.-Мокриевича Нивинский сразу же сообщил, что он послан «земской лигой» и «добровольной охраной», назвал имя графа Шувалова и с самого начала повел речь об условиях соглашения. И в этот же первый вечер говорил и о прекращении террора, и о гарантиях, и о посредничестве известного «профессора» и о выдаче значительной суммы денег...¹ И никакого разговора не было о железнодорожных делах и об «очень честном» финансисте г. Bardac.

Это основное противоречие можно объяснить только тем, что Нивинский-Клименко беспардонно лгал в своих письмах гр. Шувалову и Щербатову и старался в своих личных целях затянуть переговоры, безнадежность которых должна была стать ясной для него в первый же день. Подлинная цель поездки агента «св. дружины» была в «глубокой разведке».

¹ Дебогорий-Мокриевич. К вопросу о переговорах исполнительного комитета «Народной воли» с добровольной охраной. «Былое», 1907. 4.

Можно допустить, что не доверяя самому доктору Нивинскому, который мог предать «св. дружину» народовольцам, гр. Шувалов и его товарищи решили использовать имя доктора Нивинского и под зидом этого «революционера» поехал для переговоров более надежный Клименко.

Первая же встреча убедила Клименко-Нивинского, что никого из действующих в России народовольцев он не увидит, никаких планов не узнает и вообще ничего не достигнет, пока не откроет в свою очередь тайны «св. дружины». В тайны народовольческой организации ему не удалось проникнуть. Чтобы не возвращаться с позором в Петербург, оставалось некоторое время морочить обе стороны. Графу Шувалову Новинский-Клименко сообщал, что никак невозможно прямо заговорить с Лавровым, а надо подготовить почву, втереться в доверие и т. д. Для этого понадобились и железная дорога и г. Вадас и т. п. А. Лаврову Нивинский-Клименко сообщал, что «либеральные земцы» обсуждают и рассматривают условия и никак не могут на них согласиться.

Эта канитель тянулась почти четыре месяца. И «глубокая разведка» дала только такие весьма жалкие результаты. «Из бесед моих с Лавровым — писал Клименко, — я вывожу следующее замечание: 1) Партия стеснена возможностью действовать в настоящее время. 2) Средства у них плохи. Может быть я и ошибаюсь, и этому противоречат повидимому предложенные Лавровым условия, но ведь запрос в карман не лезет»...

Неудача не обескуражила «св. дружину». Шувалов продолжал верить, что соблазн пустого обещания откроет им дорогу в исполнительный комитет народовольцев. Была сделана вторая попытка (встречи с членами исполнительного комитета — действующими в России. Эта попытка связана с именами Н. К. Михайловского, В. Фигнер, Тихомирова с одной стороны, и Н. Николадзе — с другой. Она достаточно подробно освещена в литературе. Но и эта попытка ничем не окончилась... А в это время Судейкин уже прокладывал себе путь в исполнительный комитет через Дегаева. И этот успех конкурента «св. дружины» послужил, надо думать, одной из существенных причин к ее ликвидации.

ЛИКВИДАЦИЯ

Крах «св. дружины» произошел скоропостижно, и прекратила она свою деятельность в самом ее разгаре. Опубликованные материалы и уцелевшие документы в семейном архиве графа Шувалова не дают полного представления обо всех сторонах деятельности дружины и о главных причинах ее провала. Можно догадываться о том, что некоторую таинственную роль играли местные организации дружины в антиеврейском движении и в погромах 1881—1882 гг. Искусная рука пыталась внести плановость в эти погромы, направить их против революционной молодежи и скомпрометировать погромами «Народную волю». Но как раз эта сторона работы «св. дружины», требующая внимательного рассмотрения, не могла навлечь на нее опалу при дворе. Царь Александр третий, как и его сын, были открытыми погромщиками. В дневнике А. Суворина приведены выдержки из дневника Н. Любимова, видного реакционного публициста. Генерал Гурко говорил Александру третьему, что очень трудно принимать меры в предупреждение антиеврейских беспорядков: войска будто бы радуются, когда евреев бьют. Царь перебил его: «А я, знаете, признаться, рад, когда их бьют».

Деятельностью «св. дружины» была очень недовольна официальная полиция. Тут происходили и конкуренция и взаимное подсиживание. Но полиция не смела открыто выразить свое недовольство и только копила потихоньку компрометирующий дружину материал. Во главе дружины стояли виднейшие сановники и придворные, ей покровительствовал царь. Дружина козыряла своими успехами, раздувала непомерно и обещала проникнуть в самые верхи исполнительного комитета «Народной воли». Переговоры с деятелями «Народной воли» велись с ведома царя, и министр двора Воронцов-Дашков предлагая Николадзе, в котором придворные видели агента народовольцев, устроить личную

встречу с Александром третьим и получить от него гарантию условий, на которых народовольцы будто бы соглашались прекратить террор до коронации. Да и нельзя отрицать, что при тех настроениях упадка, которые уже замечались в это время в руководящих народовольческих кругах, маневры «св. дружины», вместе с либеральными земцами имели некоторое разлагающее влияние. Проникнуть в руководящие центры революционного движения «св. дружины» не удалось, но прощупать настроения там, определить степень боевой готовности она могла и, повидимому, до известной степени и определила. И со своей стороны путем «Вольного слова», «Правды» и легальной своей печати по-сильно содействовала общей деморализации в среде буржуазной интеллигенции.

Покуда министром внутренних дел был граф Игнатьев и покуда Игнатьева поддерживала наиболее реакционная придворная и бюрократическая клика во главе с Победоносцевым, до тех пор «св. дружина» в своей работе не встречала препятствий. Но, повидимому, граф. П. Шувалов не пожелал ограничиться подпольной работой. Он сам метил на высокий пост диктатора России. У него были свои проекты спасения России, и «св. дружина» была его опорой в борьбе за власть. Среди всяких проектов земских соборов, совещательных собраний и «конституций» ходил по рукам и проект графа Шувалова, — повидимому, не тот, который был опубликован, как принадлежащий ему, позже в зарубежной печати, а другой, несравненно более куций. Опубликованный видимо предназначался для провокации и для обмана либеральствующих земцев, а настоящий представлял «конституцию» для помещичье-дворянской олигархии.

Опубликованные Централхивом «Письма Победоносцева к Александру третьему» впервые освещают все перипетии придворной борьбы вокруг трона и подлинные причины краха графа Шувалова и его дружины. Уже в конце 1881 г. Победоносцев пишет, — пока еще глухо, — о грызне разных придворных клик.

«Рассказываются истории, — говорит Победоносцев, — о той или иной придворной интриге, о замыслах и разговорах тех или иных приближенных к вашему величеству лиц, — и всему этому люди верят; и всеми этими речами и слухами подрывается уверенность в твердости правительства и в неизменности принятого направления».

Это написано в защиту и поддержку графа Игнатьева, в котором Победоносцев видел тогда еще своего твердого сторонника по борьбе со всякими «конституционными» проектами, имеющими в виду ограничить самодержавно-бюрократический режим.

«Может ли с твердостью действовать министр, — продолжает Победоносцев, — когда весь город говорит, что его на днях сменяют, когда все чиновники у него в министерстве говорят о том же; когда повсюду распространяются слухи об интригах и замыслах какой-то придворной партии?»

Граф Игнатьев отстоял свой пост в конце 1881 г., но повидимому лишь путем какого-то соглашения с той самой придворной партией, которая с ним боролась. Неожиданно для Победоносцева Игнатьев выступил весной 1882 г. со своим собственным проектом земского собора. В письме 25 мая Победоносцев бьет тревогу и фактически требует от своего возлюбленного монарха, питавшего вместе с уважением и какой-то страх перед Победоносцевым, немедленной смены министра. Как и всегда, он пугает царя растущей «смутой».

«Смею доложить вашему величеству, — пишет Победоносцев, — что оставлять долее в неизвестности этот предмет и предложение министра внутренних дел под сомнением — крайне неудобно. Все уже знают об этом и говорят. В газетах появились статьи, косвенным образом высказывающиеся за земский собор и против, — и эта полемика, в высшей степени неудобная для правительства, может только поддержать самого графа Игнатьева в его проекте, с коим он соединяет, кажется, свое самолюбие и, может быть, свою славу. Необходимо вывести это дело в присутствии его на чистоту, чтобы при нем высказались откровенно о всем безумии этого предприятия другие лица, призванные доверием вашего величества. В противном случае молва будет расти и продолжать смущать умы, не знающие в точности, что происходило».

Победоносцев собирался свалить Игнатьева, вышедшего из повиновения, тем же маневром, которым он так блестяще свалил Лорис-Меликова. Но для Игнатьева не понадобилось и таких усилий. Уже через два дня Победоносцев по поручению царя ведет переговоры с тем кандидатом на пост министра внутренних дел, которого он же раньше и выдвинул: с графом Толстым, несокрушимым столпом самой отчаянной реакции. При этом, однако, по требованию царя

управление министерства внутренних дел отделяется от заведывания государственной полицией, а через несколько дней Победоносцев с ужасом узнает, что на пост начальника полиции намечается... граф Шувалов! Это сводит к нулю назначение ставленника партии Победоносцев, передавая фактическую власть той самой придворной партии, против которой Победоносцев ведет борьбу. Это, правда, не тот граф Павел Шувалов, который стоит во главе «св. дружины», а его родственник, граф Павел Андреевич Шувалов, впоследствии посол в Берлине, но это не имеет существенного значения. Это одна и та же партия или «клика».

Победоносцев прямо пишет царю, что это имя его «устрасило».

«Граф Шувалов — человек самой неопределенной физиономии. Он не имеет самостоятельного характера и склонен попасть под дурное влияние: тогда и граф Толстой с ним не справится. Шувалов воспитался в кружке гвардейской молодежи и принял отсюда привычки несерьезные... В доме у себя он не мог водворить порядка. Хозяйка у него глупенькая молодая женщина, надутая тщеславием и совсем пустая. Около нее собирается у него пестрое сборище гвардейских болтунов, родня у него огромная и многие из его родных одержимы политическим честолюбием и проповедуют, ничего не понимая, политические глупости. Оратор этого кружка — Боби Шувалов, который всюду трубит, что конституция — единственное спасение для России... По совести, смею сказать вашему величеству, что меня очень устрасает мысль о возможности такого назначения».

Граф Шувалов не был назначен, Победоносцев снова одержал победу, но с этого момента, повидимому, начинается энергичная борьба со «св. дружиной». В «Гражданине» князя Мещерского печатается памфлет «Князь Нони», в котором высмеивается не только граф Боби Шувалов, но и все его окружение, в том числе рассказаны все те сплетни о графине Шуваловой, его родственнице, на которые намекает в своем письме Победоносцев. Департамент полиции выступает смелее против агентуры «св. дружины» и в докладных записках, восходивших к царю, уничтожающе критикует ее работу, а также намекает на связь с революционерами.

Решительный удар «св. дружине» наносит все тот же Победоносцев в ноябре 1882 г. Повидимому он считает почву для этого достаточно подготовленной. Впервые в

своих письмах он открыто говорит о «св. дружине», существование которой ему, конечно, было известно и раньше. По некоторым данным, он даже первоначально состоял в добровольной охране. Поводом к выступлению послужила полемика между двумя газетами — «Новым временем» и «Московским телеграфом». Обе газеты верно служили реакции и обе имели одинаково растленный характер. Источник финансирования «Московского телеграфа» не представлял секрета в газетных кругах. В сатирическом очерке Салтыкова эта газета фигурирует под названием «Фрегат Надежда» и прямо указано на то, что она субсидируется «Обществом частной инициативы спасения», то-есть «св. дружиной». Это было превосходно известно и «Новому времени», но разозлились эти две мало почтенные газеты, когда «Московский телеграф» получил монополию на льготный тариф для телеграфной корреспонденции. За игру в либерализм (такую же провокаторскую, как и игра в «Вольном слове») «Московский телеграф» был приостановлен, но затем снова получил разрешение выходить, а вместе с разрешением и монополию на льготный тариф. «Новое Время», возопившее в статьях против такой «несправедливости», получило поддержку в лице Победоносцева, который написал обо всем этом подробно царю.

«В недоумении я спрашивал, — пишет Победоносцев, — что это значит? И вот что сказал мне в ответ гр. Толстой: «Что же мне делать? Его взяла под свое покровительство дружина! Ко мне приехал гр. Воронцов и стал просить меня, заявляя, что они за него ручаются, вносят за него залог и дают ему деньги».

Никакого секрета царю Победоносцев, конечно, не открывал. Но он притворился, будто даря обманывают, держат в неведении, и от эпизода, сравнительно незначительного, перешел к обвинению «св. дружины» по всему фронту.

«Итак, — пишет Победоносцев, — продолжается то же печальное недоразумение. Слово «дружина» продолжает оказывать на властных в государстве лиц действие, подобное старинному «слово и дело». Всякое требование Воронцова, Шувалова и пр. принимается как выражение воли вашего величества. ... Деньги, которые вы великодушно жалуете на охранение (будто бы) безопасности, — употребляются на искусственное поддержание самых гнусных изданий...

Мало того. На деньги вашего величества совершаются такие дела, которые можно приписать или злодейскому

умыслу, или крайнему безумию. Не угодно ли вашему величеству взглянуть на распространяемые листки нового женеvского революционного издания «Правда»? Они должны быть в д-те госуд. полиции.

Известно ли вашему величеству, что этот гнусный и лживый листок основан и поддерживается на царские деньги дружиной, т. е. Шуваловым, Щербатовым и К-о? Что они держат там своего будто бы агента из бунтарей, который смеется над ними, получая ваши деньги?...

Ваше величество! Вам неизвестно, что эти люди делают. Одни из них (как Шувалов—главная дружина) безумцы, одержимые бесом политического честолюбия (страшный бес); другие (как Воронцов) ничего не понимают... И этим людям дана власть повелевать, производить аресты, требовать насильственных мер, составлять политические со-вещения,—и в силу какого-то рокового обмана безумные действия их и их агентов принимаются за выражение воли вашего величества».

Этот пафос сам по себе не подействовал бы на царя. Он был в курсе всех махинаций «св. дружины», и «Правда» издавалась с его ведома и благословения. Никакого, конечно, «рокового обмана» не было, и Победоносцев это знал. К слову сказать, эта самая «Правда» продолжала выходить и после того, как «св. дружина» прекратила свое существование. Русский Лойола в частном письме к царю под-сказывал ему, под какой маской можно сменить прежнее покровительственное отношение к «св. дружине» на новое. А действовал по настоящему Победоносцев старыми путями: он запугивал царя возможностью новых заговоров. Он намекал на стремление придворной партии захватить власть.

«Некоторые из них потеряли уже голову и предъявляют к установленным властям такие дерзкие и наглые претензии, что власти в недоумении останавливаются и спрашивают себя, где же, наконец, власть? Я знаю, что вследствие этих выходов отношения между правительством дружины и законным вашим правительством до того обострились, что вскоре законные представители власти признают свое положение в государстве невозможным... Верьте моему прямому слову: если такое положение в государстве, подобное какому-то кошмару, еще продлится, вам лично и августейшему семейству вашему угрожает великая опасность. Около вас составитя заговор, против которого существующие власти преданных вам людей, сбитые с толку,

окажутся бессильными. Пока еще не поздно, это положение надобно прекратить во что бы то ни стало решительными мерами... Время страшное, и враг не дремлет, а теперь, озираясь вокруг, я убеждаюсь больше и больше,—что как бы ни была велика опасность вашему величеству от злодеев-заговорщиков,—еще серьезнее опасность от дружины...».

Победоносцев шел вабанк—и выиграл! Натиск на царя был произведен сразу, на всем фронте. Письмо Победоносцева датировано 23 ноября 1882 г. А на другой же день, 24 ноября, словно бомба разорвалась, в «Новом времени» была напечатана статья о «Политических шантажистах», и впервые в легальной печати было прямо сказано о тайной организации, занимающейся контрреволюционным сыском. «Новое время» перепечатало полностью ректографированную прокламацию, которая распространялась от имени «св. дружины» и предлагала сочувствующим вступать в нее. Но заканчивалась эта прокламация приглашением посылать письма на имя майора Кнедуса, что было анаграммой Судейкина.

В тот же день полковник Судейкин подал рапорт своему начальству и требовал защиты от «св. дружины», которую он обвинял в косвенном содействии народовольцам. Судейкин жаловался при этом и на то, что в женеvской «Правде» его называют «ехидной» и «Малютой Скуратовым», тем подрывая его авторитет. «Происходит ли это умышленное систематическое компрометирование тех мер, которые я предпринимаю как начальник агентуры, из одного только соревнования в борьбе с крамолой, или причины лежат глубже, я пока утвердительно сказать не могу. Но какая бы причина ни была, такой образ действия безусловно вредит успеху и может принести крайне грустные плоды». На этот раз Судейкин даже несколько скромничал, но намеки его были совершенно прозрачны. Уже раньше, в докладной записке о либеральном оппозиционном движении, Судейкин указывал на то, что «Земский союз», созданный «св. дружиной», преследует противоправительственные задачи.

Вслед за Судейкиным представил царю пространную записку министр внутренних дел. Историческая часть записки оправдывает возникновение «св. дружины» особой обстановкой, создавшейся после 1 марта. Дальнейшее существование дружины «приносит несомненный вред». Министр требовал ликвидации «св. дружины». Александр III дал на это согласие. По его распоряжению все дела «св. дружины» должны были быть переданы официальной полиции.

Департамент полиции не удовлетворился официальным прекращением деятельности дружины. Он боялся продолжения ее работы под другим видом. Любопытное письмо получил 18 декабря директор департамента полиции, знаменитый впоследствии В. Плеве, от московского обер-полицмейстера Козлова, который и раньше, будучи обер-полицмейстером в Петербурге, вел энергичную борьбу против дружины.

«Милостивый государь Вячеслав Константинович,— писал генерал Козлов,—по имеющимся сведениям Общество добровольной охраны и «священная дружина» прекращают свою деятельность, как в смысле разведывательных агентур, так и организаций, созданных для антипропагандистской работы. Прекращение деятельности этих обществ, последовавшее не по их желанию, а по требованию высшей власти, вызвало крайнее неудовольствие среди тех членов, которые были лично заинтересованы существованием в особенности «священной дружины», принявшей на себя функции тайной полиции. Те баснословно огромные деньги, которые тратились дружиной на розыскную часть, предоставляли многим лицам обильные средства к жизни, заработать которые невозможно не только в правительственных, но и в частных учреждениях. Зная, что агентами дружины вербовались люди без всякого разбора, что между ними немало людей с совестью весьма низкого тарифа, людей неспособных ни к какой честной деятельности,—я допускаю возможность всякого с их стороны безнравственного дела, направленного к отмщению за упразднение дружины, против правительственных секретных организаций. Подобные люди способны завести тайную типографию, поместив там своих агентов с подложными паспортами, благо распространение ими нелегальных документов было допущено, и затем бросить эту квартиру, желая доказать таким образом правительству бездеятельность и несостоятельность полиции. Могут таким же путем начать вести подкуп, и потом, скрыв своих агентов, донести о его существовании. Мне известно, что некоторыми членами этих обществ готовится обширная записка, которая должна, по их мнению, доказать правительству, что борьба с крамолой, в области даже полицейских мер, без участия в этом деле дружины, не может привести ни к какому результату; ибо полиция находится в младенческом состоянии, а лица, стоящие во главе министерства внутренних дел, бессильны усовершенствовать полицейские органы».

Генерал Козлов тревожился без достаточных к тому оснований. Дружина была действительно убита. В ней уже не было надобности, потому что к концу 1882 г. стал проходить панический страх перед революцией. Правительство окрепло и рассчитывало справиться собственными «законными» средствами, не прибегая к параллельным подпольным организациям. «Священная дружина» самодержавия возродилась снова лишь после 1905 года в виде «Союза русского народа» — на несколько иной социальной основе, расширенной в сравнении с 1881 г. Руководящие круги объединенного дворянства выступили в союзе с черносотенным городским мещанством и деревенским кулачем против рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Из главных деятелей «св. дружины» уцелел при дворе только граф Воронцов-Дашков. Он даже продолжал какие-то сношения с Мальшинским, который вскоре нырнул в безвестность, а потом вынырнул редактором реакционной газеты «Народ», но карьеры не сделал. Карьеру зато сделал Витте, услуга которого не была забыта. Князь Щербатов был отдан под суд за казнокрадство; что стало с Новинским, Клименко, Климовым и другими героями нашего рассказа, нам неизвестно.

На Лысьвенском заводе до революции стоял каменный памятник с бронзовым генералом — в позе, не совсем обычной для генералов. Он стоит на трибуне, опершись руками на стол, перед ним рукопись. Он не то читает лекцию, не то держит доклад. По всем внешним признакам — государственный деятель, министр!

Это памятник владельцу завода, богатейшему помещику и капиталисту графу П. П. Шувалову, он же Боби Шувалов. После краха дружины его хватил нервный удар, и его отвезли за границу. Политическая и придворная карьера его навсегда была закончена. То ли запуганный Победоносцевым Александр третий не хотел больше встречаться со своим другом, то ли Боби не хотел простить царю своей обиды. Вернувшись из-за границы, Шувалов вступил в военную службу и в 1895 г. вышел в отставку с чином генерал-майора. Он поселился в своем имении, в м. Тальном (Киевщина) и там жил до смерти в 1902 г. Ему принадлежал и весь Лысьвенский округ. От имени «служащих и рабочих» этого округа вышла небольшая, изящно изданная книжка «Памяти графа П. П. Шувалова» и: расписывается в этой книжке граф Боби как замечательно гуманный и просвещенный капита-

лист. О том, что он был замечательным провокатором, и о подвигах его в борьбе с революцией нет, конечно, в книжке ни слова. А бывший «легальный марксист» и либерал Б. Кистяковский впоследствии по этой книжке расписал Шувалова как искреннего конституционалиста и борца с самодержавием — хотя и на свой манер. Богучарский точно так же отпустил ему все его провокаторские грехи за проект конституции и за игру с либеральными земцами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СИЯТЕЛЬНЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ	9
1. После первого марта 1881 г.	11
2. «Кинжал за кинжал»	12
3. Граф Боби	15
4. Салтыков о «священной дружине»	19
ЛОБОТРСЫ ЗА РАБОТОЙ	25
СВЯЩЕННАЯ ДРУЖИНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ	39
1. Погоня за Гартманом	41
2. Драгоманов и «Воляное слово»	43
3. Редактор Климов	73
4. Доктор Нивинский и его двойник	92
ЛИКВИДАЦИЯ	107